БЕЛОРУССКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЯ И АРХИВНОГО ДЕЛА

Н.Н.Илькевич, Р.П.Платонов

АЛЕКСАНДР УЛЬЯНОВ И ВЕРСИЯ НКВД ОБ АНТИСОВЕТСКОМ ПОДПОЛЬЕ В БССР

(Фальсификация органами НКВД уголовных дел в 1937—1938 гг.)

Минск
1997

ББК 63.3(2)616-4
И 47
УДК 947 “1937/1938”

Рекомендована к печати Ученым советом БелНИИДАД

Научный редактор
доктор исторических наук, профессор *В.Н. Михнюк*

И47 Илькевич Н.Н., Платонов Р.П. Александр Ульянов и версия НКВД об антисоветском подполье в БССР (Фаль-сификация органами НКВД уголовных дел в 1937—1938 гг.) — Мн.: БелНИИДАД, 1997. — 100 с.

ISBN 985-6099-33-1

Раскрываются аспекты фабрикации в 1937—1938 гг. т.наз. "дела антисоветского подполья в БССР". По этому надуманному НКВД делу был арестован и осужден ряд партийных, государственных работников, представителей интеллигенции и духовенства Беларуси. Полностью публикуется протокол допроса арестованного по этому делу полномочного представителя НКИД СССР при СНК БССР А.Ф.Ульянова, обвиненного в участии в националистической организации и связях с польской разведкой. Протокол использовался при осуждении В.У. Ластовского в 1938 г. в Саратове, где он находился в ссылке с 1931 г.

Для научных работников.

И 9470000000

ISBN 985-6099-33-1

ББК 63.3(2)616-4
© Н.Н. Илькевич, 1997
Р.П. Платонов, 1997
© послесловие В.Н. Михнюк, 1997
© БелНИИДАД, 1997

Илькевич Николай Николаевич
Платонов Ростислав Петрович

АЛЕКСАНДР УЛЬЯНОВ И ВЕРСИЯ НКВД ОБ АНТИСОВЕТСКОМ ПОДПОЛЬЕ В БССР
(Фальсификация органами НКВД уголовных дел в 1937—1938 гг.)

Заведующий РИО *П.П.Журкевич*
Редактор *А.И.Валаханович*
Компьютерная подготовка издания *И.М.Лисовской*
Верстка *Е.А.Поляковой*

Сдано в набор 28.11.96. Подписано в печать 02.05.97.
Формат 60x84 1/16. Уч.-изд. л. 6,5. Усл.-печ. л. 6,0. Тираж 100.

Белорусский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела (БелНИИДАД). Лицензия ЛВ № 133. 220002, Минск, ул. Кропоткина, 55.

Н.Н.Илькевич, Р.П.Платонов

АЛЕКСАНДР УЛЬЯНОВ И ВЕРСИЯ НКВД ОБ АНТИСОВЕТСКОМ ПОДПОЛЬЕ В БССР

ВСТУПЛЕНИЕ

Протокол допроса одного из известных в 20-30-е годы советских дипломатических работников Александра Федоровича Ульянова, который публикуется, извлечен из "Дела № 9634 по обвинению Ластовского Вацлава Устиновича по ст. 58 п.6, 10, 11 УК РСФСР", хранящегося в архиве Управления Федеральной службы контрразведки Российской Федерации по Саратовской области. Отметим, что ст. 58 УК РСФСР означала "контр-революционные преступления", а ее пункты — виды преступлений (шпионаж, антисоветская пропаганда, участие в подпольных организациях и т.д.) Это одна из копий протокола, составленного 28 июня 1937 г. после ареста А.Ф.Ульянова 20 мая 1937 г. Он допрашивался в Минске заместителем начальника 4-го отдела УГБ НКВД БССР старшим лейтенантом госбезопасности Волчком, заместителем начальника 3-го отдела лейтенантом госбезопасности А.М. Гепштейном и инспектором УПВО НКВД БССР старшим лейтенентом госбезопасности Барановым.

Но как копия протокола попала в Саратов? Послали из Минска, зная, что там находился в ссылке В.У.Ластовский еще с 1931 г.? Или был спецзапрос в связи с готовящимся либо уже состоявшимся арестом этого видного деятеля белорусского национально-государственного возрождения? (В.У.Ластовский был арестован Управлением НКВД Саратовской области 20 августа 1937 г.). Скорее всего, последнее. О том, как "протокол" был использован в "деле Ластовского", мы скажем позже.

А сейчас об А.Ф. Ульянове, противоречивая фигура которого является центральной в предлагаемой читателю книге. Но прежде, чем рассказать об основных вехах его политической биографии,

остановимся на одном документе, очень важном для понимания всего дальнейшего нашего повествования.

В декабре 1930 г., когда полным ходом шло расследование “дела” т. наз. “Саюза вызвалення Беларусі” (СВБ), партколлегия ЦКК КП(б)Б обратилась в партколлегию ЦКК КП(б)У с просьбой предложить работающему в органах ЦКК-НК РКИ УССР С.Л. Козюре письменно изложить все известные ему сведения о контрреволюционной деятельности белорусских национал-демократов и бывших министров БНР, возвратившихся в БССР из эмиграции и арестованных теперь ГПУ. С.Л. Козюро, предшественник А.Ф. Ульянова в должности уполномоченного НКИД СССР при СНК БССР, должен был помимо “общих данных”, “дать абсолютно секретные факты, известные ему и секретного характера”.

С.Л. Козюра написал: “По роду своей работы мне приходилось много заниматься вопросами борьбы с белорусской национал-демократической эмиграцией в Польше, Латвии, Литве и Чехо-Словакии... Внутри БССР вел работу, контактируя ее с органами ГПУ”. Когда после неудавшейся вербовки последнего премьера БНР А.И. Цвикевича в качестве секретного сотрудника ГПУ он оказался разоблаченным и его “отношения с коммунистами-белорусами обострились до крайности”, вынужден был выехать из БССР. Примерно с весны 1928 г. — сообщал С.Л. Козюра далее,— был предрешен вопрос о моем снятии, и в августе этого же года вместо меня был назначен тов. Ульянов”. Назначен с теми же функциями и задачами.

Книга написана начальником центра общественных связей Управления ФСБ РФ по Смоленской области Н.Н. Илькевичем и главным научным сотрудником БелНИИДАД, доктором исторических наук Р.П. Платоновым по материалам, выявленным в Национальном архиве Республики Беларусь и Архиве Управления ФСК РФ по Саратовской области.

ДИПЛОМАТ — НЕГЛАСНЫЙ ОСВЕДОМИТЕЛЬ ПО ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Современному белорусскому читателю об Александре Федоровиче Ульянове мало что известно. Но в конце 20 — начале 30-х годов его имя было, как говорится, на слуху и в широких кругах белорусской национальной интеллигенции, и в среде партийно-государственной номенклатуры.

А.Ф.Ульянов родился в Минске в 1901 г. в семье земского врача. В постановлении президиума и партколлегии ЦКК КП(б)Б от 29 января 1931 г. по его "делу" годом рождения назван 1897, национальность — белорус, образование — незаконченное высшее, учился до 1917 г. В 1917-1922 гг. состоял в партии социалистов-революционеров. В 1919 г. арестовывался польскими оккупационными властями, но был вскоре освобожден.

Здесь первое "белое пятно" в его биографии. Что случилось во время ареста? Действительно ли состоялась "вербовка", о чем подробно он рассказал следователям, или это импровизация тех, кто вел допрос? Ответа нет. Но факт ареста и освобождения по тем временам являлся опасным "компроматом", постоянно довлевшим над человеком, особенно если он вовлекался в сферы "высокой политики".

Подобный "компромат" был и в биографии первого секретаря ЦК КП(б)Б В.Ф. Шаранговича, и он, по нашему мнению, во многом влиял на поведение партийного лидера. Арест в годы гражданской войны и Ульянова, и Шаранговича, их последующей, после ареста, "шпионской деятельности", якобы по заданию польской разведки, органы НКВД БССР в полной мере использовали при

"раскручивании" в 1937—1938 гг. т.наз. "дела антисоветского подполья в БССР". По этому "делу" было арестовано 2570 человек, в том числе 288 занимавших ответственные посты в центральных, окружных и районных партийно-государственных, хозяйственных, научных и иных структурах (НАРБ. Ф.4. Оп.21. Д.1410. Л.23).

С 1922 г. А.Ф.Ульянов — заместитель уполномоченного Наркомвнешторга в Белоруссии, с 1924 г. директор южного отделения треста "Лесбел" в Крыму, управляющий Рижским отделением этого же треста (Латвия). С июня 1925 г. атташе, позже советник полпредства СССР в Польше. Во второй половине 1927 г. временно исполнял обязанности посла СССР в Польше. В 1928—1931 гг. — уполномоченный Народного Комиссариата иностранных дел при СНК БССР. В последующем работал в Москве в Наркомате внешней торговли СССР и торгпредом в Чехо-Словакии. В Коммунистической партии с 1921 г. До 1931 г. входил в состав ЦК КП(б)Б.

Находясь во второй половине 20-х годов на дипломатической работе в Варшаве, где представлял интересы БССР, А.Ф. Ульянов неплохо зарекомендовал себя. Его организаторские способности, дипломатический такт, умение оперативно принимать решения, адекватно складывавшейся политической обстановке, высоко ценили в ЦК КП(б)Б. В период работы в Польше он стал одним из тех, кто приложил немалые усилия для создания Белорусской крестьянско-рабочей громады (БКРГ). Документы, хранящиеся в Национальном архиве Республики Беларусь, показывают его роль в "разложении и дроблении" белорусской эмиграции, "отсечении" ее антисоветского крыла, укреплении "левой" части, в организации возвращения на родину многих известных деятелей белорусского национально-возрожденческого движения. Эта зарубежная деятельность для ЦК КП(б)Б в середине 20-х годов являлась приоритетной.

Еще в апреле 1925 г., когда в бюро ЦК КП(б)Б рассматривались и определялись направления "закордонной белорусской политики", было решено ускорить посылку в Польшу представителя по делам Белоруссии и через него наладить получение подробной

информации о настроениях и видении перспектив в среде политических группировок Западной Белоруссии, выявляя и проверяя по ней степень сочувствия различных групп и лиц к политике белорусского руководства. Выбор пал на А.Ф.Ульянова. В постановлении ЦК КП(б)Б "Белорусские вопросы за кордоном" от 19 апреля 1925 г., о котором идет речь, ставился вопрос о необходимости для более успешного решения намечаемых задач добиться присвоения А.Ф. Ульянову дипломатических прав не атташе, а советника. Ему персонольно поручалось выявить значение и силу влияния православного духовенства в Западной Белоруссии и возможность его использования в интересах Советской Белоруссии (Идеологическая деятельность Компартии Белоруссии. Ч.I. 1918—1928. Мн. 1990. С.169).

Следует отметить, что А.Ф.Ульянов оказался весьма актив-ным в поиске и налаживании контактов с лидерами эмигрантских белорусских организаций в Польше, Латвии и других государствах. О встречах и переговорах с ним летом 1925 г. упоминает А.И.Цвикевич — премьер-министр правительства БНР в 1923—1925 гг., которое тогда находилось в Праге. Арестованный по делу т. наз. "Саюза вызвалення Беларусі" (СВБ), А.И. Цвикевич в показаниях, данных 18 июля 1930 г. во время следствия, писал о подготовке роспуска БНР: "Более реально эти переговоры начались после приезда в Ковно летом 1925 года т. А.Уль-янова... Тогда же было решено созвать Берлинскую конференцию для ликвидации БНР. На необходимости формальной, полной ликвидации правительства БНР настаивал я, а также, насколько помню, тов. Ульянов" (см. публикацию В.Н. Михнюка и Э.А. Липецкого Цвікевіч Аляксандр : "Ліквідацыя БНР не была манеўрам". "Візіт да Пілсудскага".// Маладосць. 1993. № 1. С.216).

В августе 1925 г. А.Ф.Ульянов руководством ЦК КП(б)Б назначается ответственным за зарубежную поездку писателей и общественных деятелей БССР Д.Ф.Жилуновича и М.Чарота (М.С.Куделько) по маршруту Прага-Варшава. "Вопросы беседы с теми или иными товарищами или общественные выступления необходимо согласовывать с полпредами СССР (в Варшаве — с т.Ульяновым)",—

говорилось в постановлении ЦК КП(б)Б от 11 августа 1925 г. (Идеологическая деятельность Компартии Белоруссии. Ч.1. С.171).

В августе-октябре 1925 г. А.Ф.Ульянов активно участвует в подготовке Берлинской конференции: ведет переговоры с руководителями белорусских эмигрантских организаций, решает вопросы финансирования "группы Цвикевича", подготовки текстов проектов резолюций, опубликования принятых резолюций (конференция состоялась 12-16 октября 1925 г.), согласовывает вопросы въезда в БССР лидеров белорусской эмиграции из Литвы и Чехословакии. Об успешном завершении Берлинской конференции и значении работы, проделанной А.Ф.Ульяновым, свидетельствует формулировка из постановления ЦК КП(б)Б "О конференции в Берлине" от 22 октября 1925 г.: "а) исход конференции подтвердил правильность позиции Бюро ЦК КП(б)Б, занятой им в этом вопросе; б) т.Ульянов выполнил целиком и полностью директивы Бюро ЦК КП(б)Б в деле проведения конференции" (Идеологическая деятельность Компартии Белоруссии. Ч.1. С.203—204).

А.Ф.Ульянову в то время было 24 года.

Одновременно у А.Ф.Ульянова была и другая сторона работы с заграничной белорусской интеллигенцией, о которой он прямо заявил при вызове его в январе 1931 г. в партколлегию ЦКК КП(б)Б, где рассматривались дела ряда ответственных работников республики, обвиненных в групповой борьбе и сращивании с национал-демократической интеллигенцией. В письме секретарю партколлегии А.Б.Рыскину он писал: "Я приехал в конце 1928 года и, так как по своей прежней работе за границей мне приходилось встречаться по поручению ЦК с БНРовской и т.п.публикой, и в круг моей настоящей работы и здесь входило информирование о настроениях всей этой публики, о ее разговорах и т.д., — на меня легла задача информировать ЦК о настроениях т.наз. "белорусской интеллигенции". По этой работе, как и по всей моей работе, я был тесно связан с Пилляром (председатель ГПУ БССР. — *Авт.*). Все мои встречи и все мои разговоры и наблюдения среди этой публики сообщались ему и в ЦК. С Пилляром мы часто обсуждали мои

впечатления и давали им соответствующую оценку" (Платонаў Р. "Маё чэкісцкае чуццё падвяло..."// Полымя. 1995. № 2. С.152).

Таким образом, другая сторона работы А.Ф.Ульянова в среде интеллигенции за рубежом, которую он продолжил и после возвращения в 1928 г. в БССР, — агентурно-осведомительская по линии органов ГПУ БССР.

Как и когда А.Ф.Ульянов стал "негласным сотрудником-осведомителем"?

Это второе "белое пятно" в его биографии. Был ли он завербован в начале 20-х годов, когда, по всей видимости, выяснялись обстоятельства его ареста и освобождения поляками, или добровольно дал согласие работать на ГПУ, когда рекомендовался для заграничной дипломатической деятельности? Теперь на эти вопросы вряд ли кто ответит. Но мы убеждены, что в Варшаву он уехал уже будучи в списках агентуры ГПУ БССР.

Несомненно однако то, что эта кандидатура, как никакая другая, подходила на подобную роль. А.Ф.Ульянов, как видно по его заграничной работе, а затем и в БССР, обладал необходимыми контрразведывательными возможностями и оперативными способностями. Он был наблюдателен, склонен к анализу, умел находить нужную информацию, выделять в ней главное. Владел искусством общения с людьми, слушать собеседника, донести до него свою точку зрения, убедить в правильности именно ее. В силу своих спсобностей не только мог контролировать обстановку, но и влиять на нее. Интеллигенция в Минске считала его своим, доверяла ему, не опасаясь общения и приватных разговоров. Как видно из информаций А.Ф.Ульянова о настроениях в национал-демократических кругах г.Минска, присланных из ГПУ БССР первому секретарю ЦК КП(б)Б К.В. Гею и сохранившихся в Национальном архиве РБ, он не испытывал особых трудностей при выяснении настроений, расширении круга своих связей, был свободен в оценках собеседников. В его информациях формулировались выводы и предлагались конкретные меры, которые следовало бы предпринять на основании сделанного обзора (Платонаў Р. Агляд настрояў.

Гартаючы старонкі дакладаў "сакрэтнага супрацоўніка"// Полымя. 1994. № 4. С.185-189).

Хотя А.Ф.Ульянов как негласный источник информации в среде белорусской национальной интеллигенции был тщательно зашифрован, однако о его "втором лице" и характере другой работы все же догадывались. В этом отношении любопытен эпизод, который приводится в воспоминаниях-дневниках одной из деятельниц белорусского возрожденческого движения Павлины Викентьевны Мяделки "Сцежкамі жыцця": "На пісьмовым стале ў Янкі [Купалы. — *Авт.*] стаяла фота гэтага Ульянава, і Янка, паказваючы на яго, сказаў: "Вялікі правакатар". На маё здзіўленае нямое запытанне дабавіў: — "Ну, а як жа? Перш дапамог Тарашкевічу стварыць Рабоча-сялянскую Грамаду, а пасля памог разграміць яе і пасадзіць Тарашкевіча за краты". Далее писатель разъяснил, почему стоит это фото: "Ён яшчэ вялікі начальнік, улада!" (Полымя. 1993. № 3. С.234).

Надо отметить, что ссылки на работу "с Пилляром" при вызове А.Ф.Ульянова в партколлегию ЦКК КП(б)Б особого воздействия на ее членов не оказали. Скорее, наоборот. В общении с интеллигенцией Ульянов "увлёкся" и дал основания для обвинений в "чрезмерном якшании с нацдемовской интеллигенцией в такой форме, которая не вызывалась никакой необходимостью (бытовая спайка и сращивание с ними, пьянство)".

Из стенограммы беседы с А.Ф.Ульяновым в ПК ЦКК КП(б)Б и ответов его на вопросы секретаря партколлегии А.Б.Рыскина:

"РЫСКИН — Неужели это было так необходимо, такое сближение?

УЛЬЯНОВ — Да. Это техника работы.

РЫСКИН — Неужели нет других форм, когда устраняется грань между партийцами и беспартийными?

УЛЬЯНОВ — Грань у меня не уничтожалась.

РЫСКИН — Через рюмку, через ужин, через бесшабашное пьянство. Как я выйду на рабочий актив и меня спросят о тебе, Василевиче и других — я скажу, что не было?

УЛЬЯНОВ — Есть вещи, о которых не говорят.

РЫСКИН — Зададут вопрос в отношении Ульянова, и я скажу, нет, ты не был, ты не пил?

УЛЬЯНОВ — Я имел совершенно конкретные директивы, и других моментов не было". (Р.Платонов. "Маё чэкісцкае чуццё падвяло..."// Полымя. 1995. № 2. С.156-157).

В постановлении президиума и партколлегии ЦКК КП(б)Б, принятом 29 января 1931 г., А.Ф.Ульянов был обвинен в том, что "послужил объективно прикрытием, за которым нацдемовская интеллигенция проводила и имела возможность скрывать контрреволюционные дела". Отмечалась неискренность его поведния перед ЦКК КП(б)Б, стремление отделаться заявлениями общего характера, прикрыться "наивностью и незнанием якобы целого ряда фактов, прибегая к дипломатическим уверткам". В результате — строгий выговор по партийной линии и запись о "невозможности дальнейшего использования на работе по линии НКИД" (НАРБ. Ф.15. Оп.28. Д.18. Л.5-6). Решением президиума и партколлегии ЦКК КП(б)Б от 22 февраля 1931 г. признавалось невозможным оставление его и в составе ЦК КП(б)Б, о чем соответствующий вопрос ставился перед бюро и пленумом Центрального Комитета (НАРБ. Ф.15. Оп.28. Д.18. Л.3).

Случившееся однако не привело к прекращению осведомительской работы А.Ф.Ульянова в среде белорусской интеллигенции. Для ГПУ он попрежнему оставался ценным агентом, способным оперативно дать необходимую информацию. Но с течением времени и происходившими в обществе переменами Ульянов стал вести себя более осторожно, сторонясь прежних знакомств и связей. П.В.Мяделка, так описывает в "Сцежках жыцця" свои поиски работы в Москве, где она оказалась после освобождения из ссылки по “делу СВБ”: "Дарэмна абівала парогі ў пошуках працы, цярпела ўніжэнне, недаверлівыя позіркі, адмахванне ад мяне, як ад пракажонай. Неяк даведался, што ў Міністэрстве замежнага гандлю (правільна: Наркамаце. — *Авт.*) працуе якімсь начальнікам Алесь Ульянаў, той самы Ульянаў, які пры

маёй высылцы з Латвіі ў 1925 г. выдаў мне ў савецкім пасольстве грашовую дапамогу, з якім пазней у Менску сустракалася ў доме Купалы і разам з Янкам, Уладкай і братам Зыгмусем хадзіла да Ульянавых у госці. Рашыла схадзіць да яго ў міністэрства і папрасіць дапамагчы мне ўладкавацца дзе на працу. Калі падыйшла да яго стала, ён зрабіў выгляд, што не пазнаў мяне, нават не прыпадняўся з крэсла, не адказаў на "дзень добры". Не ўзнімаючы вачэй на мяне, суха сказаў, што нічым не можа мне дапамагчы" (Полымя. 1993. № 3. С.234).

Поступить иначе Ульянов не мог. Как человек, способный реально оценивать складывавшуюся к тому времени в стране обстановку, он, естественно, не мог не опасаться ареста. К тому же за прошедшие годы сменился не один состав сотрудников ГПУ и НКВД, с которыми он работал, поменялись приоритеты и методы их деятельности. Планы по арестам, осуждениям, расстрелам, соревнование между работниками и отделами за перевыполнение "спущенных сверху заданий", санкционированный ведомственными нормативными актами упрощенный процессуальный порядок ведения уголовных дел поставили на первое место в НКВД следственную работу. Главным стало побольше раскрывать "заговоров" и ликвидировать "заговорщиков". Агентурная деятельность, с которой был связан А.Ф.Ульянов, оказалась на другом плане, и им, "в интересах дела", легко могли пожертвовать.

Так и случилось. А.Ф.Ульянова арестовали 20 мая 1937 г. и 26 ноября того же года Верховным судом СССР он был приговорен как "участник националистической организации" и "агент польской разведки" к высшей мере наказания. Приговор в тот же день был приведен в исполнение в Москве.

Публикуемый протокол допроса А.Ф.Ульянова от 28 июня 1937 г. — по-своему уникальный документ середины 30-х годов, имевший вполне определенное целевое назначение. Прежде всего, допрос вели сразу три сотрудника НКВД БССР высокого ранга. Один из них — А.М.Гепштейн — известен как одиозная фигура, причастная практически ко всем основным репрессивно-террористическим акциям НКВД, проведенным в Белоруссии в 1937—1938 гг. И сам в

итоге сгинул под их катком — был осужден и расстрелян в 1939 г. Впечатляет объем документа — 31 машинописная страница. В протоколе упоминаются 83 участника тех либо иных политических событий, с которыми был связан А.Ф. Ульянов, а их временные рамки, процессуально зафиксированные допрашивавшими, охватывают более чем десятилетний период.

Анализ протокола позволяет определить его цель — найти обоснование версии о якобы существовавшей в БССР хорошо законспирированной разветвленной антисоветской организации во главе с высшими партийно-государствеными руководителями республики. Национал-фашистская организация, по этой версии, возникла якобы еще в начале 20-х годов и только в середине 30-х, наконец, была раскрыта бдительностью нового поколения "верных стражей революции". Сегодня мы об этой фабрикации и ее жертвах многое знаем. Не ясным, однако, остается одно: в чьём воспаленном воображении она родилась. Верить ли наркому внутренних дел БССР Б.Д. Берману, который на митинге избирателей в Россонском районе 29 ноября 1937 г. заявил: "Выродки, заклятые враги и палачи белорусского народа долгое время вели свою гнусную предательскую работу. Потребовалось вмешательство в белорусские дела лично **тов.Сталина**. Никто другой, как **тов.Сталин**, по одному письму, по одному сигналу из Белоруссии, сказал, что в БССР есть враги, которые мешают народу наладить культурную жизнь. **Тов.Сталин** дал указание громить врагов, и мы начали их громить" (Советская Белоруссия.1937. 3 декабря).

Или само руководство НКВД, играя на болезненной подозрительности Генерального секретаря ЦК ВКП(б), повсюду и во всем видевшего козни "врагов народа", подбросило ему подобную версию, а затем занялось "выбиванием" любыми способами конкретных материалов для её подтверждения? Либо "установ-ку" вырабатывали вместе?

Как бы то ни было, "дело" А.Ф.Ульянова "вписывалось" в фабрикацию наилучшим образом. Учитывалось всё: и биографический компромат, и прошлая зарубежная работа, и обширные связи в интеллигентских кругах, и вхождение в 20-е годы

в республиканскую номенклатуру, и, по всей видимости, психологическая готовность к сотрудничеству со следователями.

Протокол допроса А.Ф. Ульянова публикуется без сокращений и каких-либо исправлений, с сохранением особенностей составления и написания.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
УЛЬЯНОВА Александра Федоровича
от 28 июня 1937 года

УЛЬЯНОВ Александр Федорович, 1897 г.р., белорус, в момент ареста торгпред СССР в Чехо-Словакии, б[ывший] член ВКП(б), исключен в связи с арестом по настоящему делу.

ВОПРОС: До вступления в ВКП(б) вы состояли в других партиях [?]

ОТВЕТ: Да, в 1917 г. я вступил в партию белорусских эсеров.

ВОПРОС: Сколько лет вы пробыли в ней [?]

ОТВЕТ: В партии с.-р. я пробыл с 1917 по 1920 г., т.е. около трех лет. Я должен сказать, что когда я вступил в партию эсеров, я был очень молод и незрел. Мне было тогда 16 лет потому, что в действительности я родился в 1901 году, а не в 1897 г., как я это ложно указывал в своих документах. Когда я был в партии эсеров, это был период моего политического созревания и поэтому он наложил особый отпечаток на все дальнейшее развитие моего мировоззрения.

ВОПРОС: Вы говорите, что вышли из партии эсеров в 1920 году, это было во время белопольской оккупации [?]

ОТВЕТ: Нет, после этого. Во время белополяков, перед 1-м мая, я был в Минске арестован польской дефензивой[1].

ВОПРОС: Это нам известно. И были вскоре освобождены.

ОТВЕТ: Да, вскоре был освобожден.

ВОПРОС: Это нам также известно. Вы были освобождены пилсудчиком ВОЕВУДСКИМ[2]. Это верно [?]

ОТВЕТ: Да, верно, я был освобожден при содействии ВОЕВУДСКОГО, с которым я лично был знаком. Должен сказать, что в тюрьме

поляки меня сильно избивали, положение мое было очень тяжелое. Сестра мачехи попросила ВОЕВУДСКОГО, чтобы он помог мне. ВОЕВУДСКИЙ сам был в тюрьме, говорил со мной, успокоил меня, что он примет меры к прекращению избиений. Я сразу попал в положение, при котором был обязан ВОЕВУДСКОМУ своим освобождением. После освобождения я был приведен к ВОЕВУДСКОМУ в его рабочий кабинет, который находился на его квартире.

Я хочу подробнее остановиться на ВОЕВУДСКОМ потому, что с этим именем связана вся моя дальнейшая антисоветская работа: ВОЕВУДСКИМ началась моя вербовка в существую-щую в БССР антисоветскую организацию, созданную и руководившуюся лично ПИЛСУДСКИМ[3].

<u>ВОПРОС</u>: Расскажите об этом подробнее.

<u>ОТВЕТ</u>: ВОЕВУДСКИЙ был одним из тех основных политических эмиссаров поляков, который действовал по непосредственным указаниям лично ПИЛСУДСКОГО и проводил чрезвычайно серьёзную политическую работу против Советского Союза. ВОЕВУДСКИЙ осуществлял в значительной степени фактическое руководство агентурой 2-го отдела польглавштаба и дефензивы, и на территории СССР он имел значительную сеть своих личных агентов, главным образом, из среды белорусских националистических деятелей, на которых он опирался и которые проводили разведывательную, подрывную и политическую работу против Советской власти. От лица ПИЛСУДСКОГО ВОЕВУДСКИЙ руководил антисоветской работой белорусских националистов, впоследствии белорусских национал-фашистов.

В 1920 году обработка меня ВОЕВУДСКИМ началась сразу же после моего освобождения из тюрьмы, которому я был обязан. ВОЕВУДСКИЙ тогда же связал меня с одним из своих наиболее крупных агентов в СССР — ИГНАТОВСКИМ[4].

Через капитана польского пехотного батальона, пепеэсовца[5] КРУЛИКОВСКОГО, занимавшего реквизированную поляками комнату в нашей квартире и ухаживавшего за сестрой моей мачехи — ДОНЕЦКОЙ, я познакомился с ВОЕВУДСКИМ. Мы довольно быстро сблизились. После моего освобождения ВОЕВУДСКИЙ имел со мной ряд бесед, в результате которых он поставил передо мной вопрос о необходимости моего участия в работе, направленной против Советского Союза, в интересах Польши. ВОЕВУДСКИЙ играл на моих националистических чувствах, как белоруса. Он развивал передо мной идею федерации Белоруссии с Польшей под протектором последней, говорил, что в эту федерацию должны войти и Украина и Литва и что только в этом случае Беларусь получит перспективы национального и культурного развития как самостоятельная республика. Он говорил, что только влияние и протекторат великой Польши могут обеспечить развитие Белоруссии и указывал на то, что эта идея федерации государств принадлежит ПИЛСУДСКОМУ. После того, как мы ближе сошлись, он сообщил мне, что он является политическим эмиссаром ПИЛСУДСКОГО и работает здесь над проведением в жизнь идей, которые я выше характеризовал. ВОЕВУДСКИЙ тогда же сказал мне, что в среде белорусов есть люди, которые являются приверженцами этих идей. С этими людьми он связан и они помогут ему в осуществлении планов ПИЛСУДСКОГО. В качестве одного из этих лиц он тогда впервые назвал мне ИГНАТОВСКОГО — ректора Учительского института, руководителя белорусских эсеров.

ВОЕВУДСКИЙ прямо поставил передо мной вопрос о том, что если я желаю добра моей родине, я должен помогать ему в его работе по осуществлению "великого плана ПИЛСУДСКОГО". Под влиянием бесед с ВОЕВУДСКИМ я вскоре установил контакт с некоторыми людьми, которые примыкали к его кругу. Я познакомился с кооператором КОНЧЕВСКИМ[6], который был мне известен, как белорусский эсер, и имел с ним несколько бесед, в которых КОНЧЕВСКИЙ развивал мне те

же мысли, что и ВОЕВУДСКИЙ. КОНЧЕВСКИЙ указывал на то, что на пути к осуществлению наших идей есть много препятствий, что самому ПИЛСУДСКОМУ приходится вести за них борьбу с некоторыми элементами польской общественности, но что ПИЛСУДСКИЙ считает эту идею заветной целью своей жизни и несомненно ее осуществит. КОНЧЕВСКИЙ говорил, что за эту идею нужно драться, так как расцвет Белоруссии возможен лишь тогда, когда она будет опираться на Польшу. Тогда же я познакомился с ИГНАТОВСКИМ, о котором я уже говорил, как о ближайшем помощнике ВОЕВУДСКОГО. ИГНАТОВСКИЙ говорил со мной несколько более сдержанно, но в таком же духе, как ВОЕВУДСКИЙ и КОНЧЕВСКИЙ.

Через некоторое время я выехал из Минска, мое знакомство с ИГНАТОВСКИМ прервалось и я связался с ним ближе только в 1923 г., когда ИГНАТОВСКИЙ был уже в партии, в которую он вступил вместе со всей т.наз. "Белорусской коммунистической организацией" (БКО)[7] — для борьбы против Коммунистической партии.

<u>ВОПРОС</u>: Вы не были в "БКО", откуда вы знаете о ее роли [?]

<u>ОТВЕТ</u>: Я знаю о роли "БКО" непосредственно от ИГНАТОВСКОГО, а затем от ВОЕВУДСКОГО. "БКО" была создана поляками по прямой договоренности ИГНАТОВСКОГО с ВОЕВУДСКИМ из националистических и эсеровских контр-революционных белорусских элементов и имела своей непосредственной целью проведение подрывной работы внутри Коммунистической партии, в которую она, по указанию поляков, была влита. ПИЛСУДСКИЙ возлагал большие надежды на роль "Белорусской коммунистической организации", считал, что ее члены смогут пролезть на руководящие посты в партийный и советский аппарат, и полагал, что это значительно облегчит проведение антисоветской работы, направленной на отторжение Белоруссии от Советского Союза.

ВОПРОС: Что именно о роли "БКО" вам лично говорил ИГНАТОВСКИЙ [?]

ОТВЕТ: В 1922 г. я был назначен заместителем уполномо-ченного Наркомвнешторга в Белоруссии и стал регулярно бывать в Совнаркоме БССР, где я тогда же сблизился с человеком, который был одним из основных руководителей антисоветской работы в Белоруссии, на которого ПИЛСУДСКИЙ также опирался в работе по осуществлению своего "великого плана", — с ЧЕРВЯКОВЫМ[8].

В дальнейшем, в неоднократных беседах с ИГНАТОВСКИМ и ЧЕРВЯКОВЫМ, мы говорили о необходимости решительной борьбы против Советской власти. ИГНАТОВСКИЙ и ЧЕРВЯ-КОВ говорили со мной о необходимости собирать надежных белорусов для этой борьбы. Именно тогда ИГНАТОВСКИЙ рассказал мне о том, что он, как "борец за Беларусь", специально со своей организацией "БКО" влился в состав Коммунистической партии для разложения ее.

В 1924 г. у меня снова обострился туберкулез, и я вынужден был выехать в Крым. Моя связь с руководителями нашей организации временно прервалась.

ВОПРОС: Когда эта связь возобновилась [?]

ОТВЕТ: В конце 1924 г., когда я снова [был] вызван в Минск для посылки меня в качестве заведующего представительством Лесбела в Ригу.

ВОПРОС: Это внешняя сторона дела. Кем фактическим вы были посланы [?]

ОТВЕТ: Фактически я был послан ЧЕРВЯКОВЫМ, как участник организации, для осуществления связи с зарубежными контрреволюционными центрами и для направления из-за рубежа в Белоруссию активнейших националистических антисоветских деятелей из числа бывших видных деятелей БНР.

ВОПРОС: ЧЕРВЯКОВ лично инструктировал вас [?]

ОТВЕТ: Да, он лично говорил со мной перед моим отъездом в Ригу. Я имел долгую беседу с ним. Помню почти дословно этот разговор: "Вы — первая белорусская ласточка за границей, — сказал мне ЧЕРВЯКОВ. — Не забывайте ваших обязанностей". ЧЕРВЯКОВ указывал мне на необходимость установить контакт с кругами белорусских эмигрантов в Латвии и провести вербовку людей для направления их под разными предлогами в Белоруссию.

ВОПРОС: Вы выполнили его задания [?]

ОТВЕТ: Да, я проводил в Латвии определенную работу в этом направлении. Я установил связь с бывшими виднейшими националистическими деятелями Белоруссии, белоэмигрантами ЕЗОВИТОВЫМ[9] и др. и вел с ними переговоры о совместной работе.

ВОПРОС: В 1925 г. вы были посланы в Варшаву.

ОТВЕТ: Да, в 1925 г. я был послан в Варшаву.

ВОПРОС: О вашей деятельности в Латвии вы подробнее расскажете нам позже, сейчас перейдем к вопросу о вашей антисоветской деятельности в Польше, поскольку вы были посланы и в Польшу так же, как участник организации.

ОТВЕТ: Да, я был послан в Варшаву как участник организации. Прежде чем подробнее ответить на ваш вопрос, я должен сделать некоторое отступление. Дело в том, что руководители нашей организации — ЧЕРВЯКОВ и ИГНАТОВСКИЙ — в этот период входили в существовавшее в Минске так называемое "Заграничное бюро Коммунистической партии Западной Белоруссии" [10]. В результате захвата ЧЕРВЯКОВЫМ и ИГНАТОВСКИМ этого бюро в свои руки оно было превращено в орудие ПИЛСУДСКОГО для широких политических провокаций, для подавления и разгрома революционного движения в Западной Белоруссии. В советское полпредство в Варшаву для связи с Коммунистической партией Западной Белоруссии от этого заграничного бюро был послан участник нашей организации, бывший член "Белорусской коммунистической организации", вошедший в

компартию вместе со всей организацией для антисоветской работы, ИЛЬЮЧЕНОК[11]. Непосредственно для работы в КПЗБ ЧЕРВЯКОВ и ИГНАТОВСКИЙ направили в Польшу МОРОЗОВСКОГО-ГУРИНА[12], бывшего редактора газеты "Савецкая Беларусь". По указаниям ПИЛСУДСКОГО, ЧЕРВЯКОВ и ИГНАТОВСКИЙ через МОРОЗОВСКОГО-ГУРИНА и ИЛЬЮЧЕНКА организовали широкое провокационное восстание в Западной Белоруссии с тем, чтобы представить возможность ПИЛСУДСКОМУ и польскому правительс-тву потопить в крови революционное движение. Эту грандиозную провокацию поляки проводили через ИГНАТОВСКОГО и ЧЕРВЯКОВА, которые также, как и ПИЛСУДСКИЙ, были заинтересованы в разгроме революционного движения в Польше. С этим-то делом и была связана посылка меня в Польшу.

Когда действия ГУРИНА, подготовлявшего, по заданиям ПИЛСУДСКОГО-ЧЕРВЯКОВА провокационное восстание в Польше, вызвали подозрение и беспокойство в Москве, тогда в Москве было принято решение о посылке туда специального лица с тем, чтобы остановить ГУРИНА, действительная роль которого в Москве известна не была и о котором поэтому думали, что он "ошибается". Посылкой человека занимались тогдашний полпред ОГПУ в БССР МЕДВЕДЬ[13] и СЛАВИНСКИЙ[14]. Избрали мою кандидатуру.

ИГНАТОВСКИЙ сказал мне, что ГУРИНА надо вытащить сюда, чтобы он здесь показался, свел бы дело к ошибке и отвел бы удар от ИГНАТОВСКОГО и ЧЕРВЯКОВА, которых обвиняли в его поддержке. ГУРИН, однако, отказался в Польше встретиться со мной. Таким образом, мне выполнить поручение ИГНАТОВСКОГО не удалось. Однако, кроме этого дела, я имел и другие задачи.

ВОПРОС: Какие [?]

ОТВЕТ: ИГНАТОВСКИЙ поручил мне связаться с ВОЕВУДСКИМ, как представителем ПИЛСУДСКОГО в Варшаве, и информировать его о деятельности нашей организации в Белоруссии. ИГНАТОВСКИЙ

сказал тогда, что ВОЕВУДСКИЙ вообще в курсе наших дел, с ним поддерживается постоянный контакт, но который теперь будет осуществляться через меня. Затем ЧЕРВЯКОВ и ИГНАТОВСКИЙ поручили мне связаться также с депутатом сейма (впоследствии руководителем Громады) ТАРАШКЕВИЧЕМ[15], указав на то, что он является одним из лидеров нашей организации. ЧЕРВЯКОВ, кроме этого, под-черкнул необходимость поддерживать контакт с депутатом сейма РАК-МИХАЙЛОВСКИМ[16] и, при возможности, встретиться с ДВОРЧАНИНОМ[17]. Относительно последнего ЧЕРВЯКОВ сказал тогда, что он помнит его еще прапорщиком на съезде в 1917 году[18] и считает его человеком "весьма полезным для нашего общего дела".

В июне 1925 года я приехал в Варшаву, где со мной вскоре же установили связь депутаты польского сейма — РАК-МИХАЙЛОВСКИЙ, МЕТЛА[19], ТАРАШКЕВИЧ, ГОЛОВАЧ, РОГУЛЯ[20], ВОЛОШИН[21], а вслед за этим — директор белорусской гимназии в Вильно — ОСТРОВСКИЙ[22]. Первые трое и ОСТРОВСКИЙ были лидеры нашей организации, польские шпионы, некоторые из которых впоследствии, по заданию ПИЛСУДСКОГО, были переброшены в Белоруссию для проведения антисоветской работы.

<u>ВОПРОС</u>: С ВОЕВУДСКИМ вы тогда же связались [?]

<u>ОТВЕТ</u>: Да, вскоре же после моего приезда. Я встретился с ним официально на квартире корреспондента "Известий" БРАТИНА. Беседовали с глазу на глаз.

<u>ВОПРОС</u>: Какова роль БРАТИНА [?]

<u>ОТВЕТ</u>: Он не был в курсе наших дел. Я рассказал ВОЕВУДСКОМУ о задачах, которые поставили передо мной ЧЕР-ВЯКОВ и ИГНАТОВСКИЙ. ВОЕВУДСКИЙ был очень обрадован моим приездом. Он сказал, что продолжает вести активную работу по осуществлению "великой идеи федерации", о которой он со мной говорил в свое время. В дальнейшей беседе он сказал, что в настоящее

время положение осложнено тем, что ПИЛСУДСКИЙ официально не у дел, но что, тем не менее, работа продолжается. Надо готовить кадры, людей. Он особенно остановился на роли ТАРАШКЕВИЧА, сказав, что он связан с ним старыми узами массонской ложи и что ТАРАШКЕВИЧ активно помогает ему во всей антисоветской работе. ВОЕВУДСКИЙ указал мне на необходимость поддерживать поэтому особо близкий контакт с ТАРАШКЕВИЧЕМ.

В этой же беседе ВОЕВУДСКИЙ рассказал мне также о том, что в 1920 году, когда он приезжал с делегацией для переговоров в Минск, у него было задание ПИЛСУДСКОГО остаться самому в Белоруссии для проведения антисоветской работы по консолидации антисоветских сил в Белоруссии, но он, считая, что ему оставаться здесь опасно, так как его могут разоблачить и расстрелять, сообщил свое соображение ПИЛСУДСКОМУ, который согласился с его доводами и разрешил ему вернуться в Польшу. Затем он рассказал мне относительно роли ОСТРОВСКОГО, который является директором белорусской гимназии в Вильно. Эта гимназия воспитывает молодежь в лютой ненависти к Коммунистической партии и готовит для переброски в Белоруссию шпионов, диверсантов и террористов.

Когда мы говорили о людях, ВОЕВУДСКИЙ упомянул ЛУЦКЕВИЧА[23], сказав, что он мог бы быть очень полезным, но он слишком "важничает", преувеличивая свою роль. "Он любит конспирировать[ся] даже от нас", — сказал мне ВОЕВУДСКИЙ. Затем он указал на то, что РАК-МИХАЙЛОВСКИЙ играет значительную роль, поскольку он связан давними узами с белорус[скими] антисоветскими деятелями и его имя известно в широких националистических кругах.

Наша беседа закончилась договоренностью о том, что я буду ему регулярно докладывать об антисоветской работе нашей организации в Белоруссии, а он будет через меня передавать ЧЕРВЯКОВУ и ИГНАТОВСКОМУ соответствующие указания ПИЛСУДСКОГО

<u>ВОПРОС</u>: Вы говорите пока о лицах, которые в тот период находились в Польше. О каких лицах из числа находившихся в Советском Союзе говорил вам ВОЕВУДСКИЙ [?]

<u>ОТВЕТ</u>: В этой первой беседе ВОЕВУДСКИЙ говорил мне только о людях, находящихся в Польше потому, что я практически должен был с ними работать. В процессе последующих встреч он рассказал мне о тех, которые были завербованы им непосредственно в Белоруссии. Он рассказал мне, в частности, о том, что в 1920 г. им были завербованы для антисоветской работы, кроме ИГНАТОВСКОГО, также еще — ЧАРОТ[24], СМОЛИЧ[25], ЛЕСИК[26], ЛАСТОВСКИЙ[27] и, что, кроме этого, в Минск ПИЛСУДСКИМ были направлены в качестве его политических агентов депутаты сейма — КОХАНОВИЧ[28] и КАЛИНОВСКИЙ[29], причем последний был связан непосредственно с ЧЕРВЯКОВЫМ и работал у него в ЦИК БССР в качестве консультанта.

Мне известны также следующие польские агенты:

1. БАЛИН — бывший депутат от "Незаможна партия хлопска", посланный в Москву лично ВОЕВУДСКИМ. В 1930 г. БАЛИН учился в Москве на международных ленинских курсах.

2. КУПЦЕВИЧ Феликс. Он был переброшен сюда из Западной Белоруссии и работал в БССР на литературном поприще. В 1926 г. он был послан КОЗЮРОЙ[30] в Ригу для связи с ЕЗОВИТОВЫМ. После обнаружения в переписке его первых писем ЖИЛУНОВИЧУ[31] националистического и антисемитского характера, он был отозван из Риги и исключен из партии[32]. В период 1932 года он работал где-то в Москве на заводе. О том, что он является польским агентом, мне лично говорил ЖИЛУНОВИЧ. Жена его под фамилией МАКАРЕВИЧ работала в СНК СССР в Москве в качестве машинистки в Отделе законов.

3. ЛЕТОВТ — бывший белорусский эсер, кажется, агроном. В 1929 году я видел его несколько раз у КУПАЛЫ. О его связи с польской разведкой мне лично говорил ИГНАТОВСКИЙ.

4. РАЕВСКИЙ — старый пеовяк, работал в "Известиях", а затем в "Журналь де Моску". Сейчас он, по-моему, арестован. О его участии в "Польска организация войскова"[33] и о его работе для польской разведки мне говорил ВОЕВУДСКИЙ. РАЕВСКИЙ бывал неоднократно в Польше в качестве сотрудника так называемого бюро МИХАЛЬСКОГО в Берлине и встречался с видными пилсудчиками. По линии разведывательной работы он и его жена, которая также является польским агентом, поддерживали тесную связь с агентом 2-го отдела польглавштаба, с секретарем комфракции сейма Федей БЕЕМ.

5. КЕНИГ — работал в Бобруйской контрольной комиссии, затем в советском полпредстве в Варшаве и, наконец, в Минске на хлебозаводе. Он является старым членом "Польска органиация войскова" и работал в Сибири в польских легионах.

6. ЯРОШЕВИЧ[34] — бывший председатель Минской земской управы, приветствовавший от имени белорусского крестьянства ПИЛСУДСКОГО при приезде его в Минск, в период 1919—1920 гг. При Советской власти он работал ректором Политехникума у СЛАВИНСКОГО в бытность последнего Наркомземом в 1922 г., эсер, за вредительство был выслан и сейчас находится в Средней Азии. Он был завербован в 1920 году для поляков лично ВОЕВУДСКИМ.

7. БОГУЦКИЙ (ШПАК)[35] — бывший секретарь Центрального Бюро КП(б)Б. ВОЕВУДСКИЙ говорил мне о нем, как о члене "Польска организация войскова".

8. Польским агентом и участником нашей органиации был бывший член коллегии Наркомзема при СЛАВИНСКОМ, фамилии его я сейчас не помню. Он посылался СЛАВИНСКИМ на подпольную работу в Западную Белоруссию и был приятелем ТАРАШКЕВИЧА, который рассказывал мне о его связях с польской разведкой. За исключительно здоровый вид его называли шутя — жеребчик, и все близкие его люди знают его под этой шутливой кличкой.

<u>ВОПРОС</u>: Какие указания ПИЛСУДСКОГО передавал вам ВОЕВУДСКИЙ [?]

<u>ОТВЕТ</u>: Находясь в Польше, я несколько раз ездил в Белоруссию. Каждый раз я информировал ВОЕВУДСКОГО о состоянии нашей антисоветской работы в БССР, при чем информацию для поляков передавали мне, главным образом, ИГНАТОВСКИЙ и ЧЕРВЯКОВ. Вскоре после майского переворота ПИЛСУДСКОГО[36] я виделся с ВОЕВУДСКИМ, который сообщил мне, что ПИЛСУДСКИЙ специально занимается сейчас вопросами Украины и Белоруссии и что по поручению ПИЛСУДСКОГО в основном эту работу проводит пепеэсовец ГОЛУВКО[37], рассылающий своих агентов на Украину и в Белоруссию.

ВОЕВУДСКИЙ отметил, что на Украине удалось широко развернуть работу, а в Белоруссии она должна быть значительно усилена. Тогда же ВОЕВУДСКИЙ передал мне указания ПИЛСУДСКОГО о необходимости создания в Белоруссии крепкой опорной базы в лице кулачества. Затем ВОЕВУДСКИЙ говорил также, в соответствии с указаниями ПИЛСУДСКОГО, о необходимости форсировать работу по созданию кадров националистически настроенных учителей, способных воспитывать антисоветские кадры в широком масштабе.

В области культуры ВОЕВУДСКИМ были даны указания о необходимости усилить работу по сближению белорусской культуры с польской.

При поездке ПРИЩЕПОВА[38] в Данию, он в Варшаве посетил меня. Тогда я его еще мало знал и разговор с ним носил зондажный характер. В беседе с [ним] передал ему те установки, которые я получил от ВОЕВУДСКОГО относительно создания в Белоруссии крупной кулацкой базы, но, повидимому, ПРИЩЕПОВ уже раньше знал об этом. Он развивал передо мной приблизительно те же самые планы, что и ВОЕВУДСКИЙ. То обстоятельство, что ПРИЩЕПОВ уже раньше знал

об этих ус-тановках ПИЛСУДСКОГО, подтверждается еще и следующим.

Когда я при поездке в Белоруссию рассказал ИГНАТОВСКОМУ относительно указаний, полученных от ПИЛСУДСКОГО через ВОЕВУДСКОГО, ИГНАТОВСКИЙ сказал мне, что работа в духе этих указаний уже проводится и указал на значительные успехи, которые достигнуты в области полонизации белорусской культуры.

Я должен сказать, что, помимо чисто белорусских вопросов, ВОЕВУДСКИЙ, по указанию ПИЛСУДСКОГО, еще до его прихода к власти, проводил работу в области "большой политики" и привлек меня к этой работе. По заданию ВОЕВУДСКОГО, я, как советник советского посольства в Варшаве, информировал Москву о том, что ПИЛСУДСКИЙ предполагает вернуться к власти. По этому поводу можно найти соответствующие документы, написанные мною. ВОЕВУДСКИЙ объяснил мне, что, по плану ПИЛСУДСКОГО, Москва, получив данные о возможности возвращения его (ПИЛСУДСКОГО) к власти, попытается установить отношения с его кругами. Однако ВОЙКОВ[39], которому неоднократно на основании моей информации говорилось об этом, не верил этому.

Затем ВОЕВУДСКИЙ, в момент прихода ПИЛСУДСКОГО к власти, информировал меня о том, что ПИЛСУДСКИЙ намерен начать "флирт" с СССР, чтобы ухудшить этим отношения между Советским Союзом и Германией, с одной стороны и, с другой стороны, усилить внимание и интерес к Польше французов и, главным образом, англичан. В этот период заведующий восточным департаментом Министерства иностранных дел Польши ЯНКОВСКИЙ, по поручению ПИЛСУДСКОГО, ездил в Москву приглашать ЛОГАНОВСКОГО (бывш. зам. Наркомвнешторга) посетить Варшаву в качестве гостя польского правительства.

ВОЕВУДСКИЙ сообщил мне о том, что в действительности ЛОГАНОВСКИЙ является крупным польским агентом и

ПИЛСУДСКОМУ необходимо лично увидеться с ним для обсуждения ряда вопросов, связанных с проведением различных дипломатических шагов.

Убийство ВОЙКОВА помешало приезду ЛОГАНОВСКОГО. ВОЕВУДСКИЙ говорил мне тогда, что убийство ВОЙКОВА было организовано не ПИЛСУДСКИМ, а группой ПАВЛЮКЕВИЧА[40] из Вильно по заданию англичан, действовавших через своих агентов в дефензиве.

Затем я принял участие в проведении плана ПИЛСУДСКОГО по разгрому Громады, которым преследовалась двоякая цель.

ВОПРОС: Расскажите об этом подробнее.

ОТВЕТ: Созданием Громады ПИЛСУДСКИЙ стремился, с одной стороны, выяснить актив КПЗБ, а с другой стороны, подготовить кадры для переброски в БССР для подрывной антисоветской работы. Конкретных обстоятельств вербовки ВОЕВУДСКИМ МЕТЛЫ и ВОЛОШИНА я не знаю, что же касается РАК-МИХАЙЛОВСКОГО и ТАРАШКЕВИЧА, то они еще значительно раньше были связаны и с ВОЕВУДСКИМ и непосредственно со вторым отделом польглавштаба. С ТАРАШКЕВИЧЕМ, в свою очередь, [был] связан видный польский агент — БУРСЕВИЧ[41]; относительно этого БУРСЕВИЧА я должен сообщить следующую подробность: так как я "выполнял" и специальную работу по заданию ОПАНСКОГО[42] и мне необходима была для этого "агентура", я, по договоренности с ТАРАШКЕВИЧЕМ, должен был подставить ОГПУ (в лице ОПАНСКОГО) в качестве агента БУРСЕВИЧА. Это отпало, так как он был переведен в секретариат Громады. ОСТРОВСКИЙ, о котором я уже говорил, является агентом 2-го отдела польглавштаба и у него работают агенты дефензивы ШНАРКЕВИЧ и МАРТИНЧИК. Таким образом, руководство Громады состояло целиком из агентуры поляков.

После прихода ПИЛСУДСКОГО к власти, в течение первого периода, режим по отношению к национальным меньшинствам был "смягчен" специально для того, чтобы подчеркнуть отличие линии

правительства ПИЛСУДСКОГО от линии правительства ВИТОСА[43]. Несмотря на то, что "смягчение" носило, конечно, только показной характер, оно все же вызвало бурю негодования со стороны помещичьих кругов, поддерживавших ПИЛСУДСКОГО. В Западной Белоруссии Громада, несмотря на все усилия ее руководителей сдержать движение, стала бурно расти, гуртки [кружки] возникли стихийно и движение приняло вскоре настолько массовый характер, что ПИЛСУДСКИЙ решил покончить с ним, выявив и разгромив заодно весь революционный актив. Об этом [шаге] ПИЛСУДСКОГО КАВЕЦКИЙ поставил в известность ВОЕВУДСКОГО и ТАРАШКЕВИЧА. Их информировали о том, что во время разгрома предполагается, под видом бегства актива Громады, произвести массовую переброску шпионского элемента в Белоруссию. Когда об этом решении узнали другие руководители Громады и польские агенты, среди них было замешательство. РАК-МИХАЙЛОВСКИЙ, например, у которого была большая семья, не хотел изображать героя за решеткой и просил, чтобы его перебросили в БССР, где он мог [бы], изображая национального героя, создать себе все условия для проведения антисоветской работы.

Самые аресты и разгром были произведены с ведома только верхушки руководства и неожиданно для большинства депутатов и поэтому план переезда РАК-МИХАЙЛОВСКОГО в 1926 году не был осуществлен. В Минск предполагалось перебросить СОБОЛЕВСКОГО[44] — пятого депутата Громады, который был агентом 2-го отдела польглавштаба. Однако, когда СОБОЛЕВСКИЙ был уже в Данциге, он испугался и отказался от дальнейшей поездки, так как один украинский депутат сообщил ему, что в СССР, на Украине, происходят аресты участников раскрытых антисоветских организаций.

Перед разгромом Громады решено было в дальнейшем не создавать никаких новых массовых организаций, так как предполагалось, что

основной костяк КПЗБ будет надолго разгромлен. Что касается второй задачи и создания в Польше легального прикрытия для лидеров контрреволюционного движения в Белоруссии и маскировки для дальнейшей переброски в БССР, по указаниям ПИЛСУДСКОГО, было использовано "Товари-щество белорусской школы" (ТБШ). Соответствующее предложение было внесено ТАРАШКЕВИЧЕМ в ЦК КПЗБ, [который] "сигнализировал" о возможности разгрома Громады и мотивировал этим целесообразность использования "Товарищества белорусской школы". В дальнейшем это "Товарищество белорусской школы" через меня получало из Минска от уполномоченного ИККИ СЛАВИНСКОГО регулярную денежную поддержку на содержание своих организаций. На самом же деле эти средства шли на содержание антисоветских кадров белорусских националистов — польских агентов, предназначавшихся, в частности, и для переброски в СССР.

Хочу добавить, что при поездке в Москву ТАРАШКЕВИЧ заезжал в Минск, виделся с ИГНАТОВСКИМ и подробно проинфоромировал его о положении вещей в Западной Белоруссии и обо всех принятых решениях.

Когда я говорю об этом периоде, я вспоминаю еще один момент, который не имеет прямого отношения к данному вопросу, но который я считаю необходимым рассказать.

ВОПРОС: Говорите.

ОТВЕТ: Незадолго до решения вопроса о присоединении Гомельщины к Белоруссии[45], тогдашний секретарь [ЦК] КП(б)Б — КРИНИЦКИЙ[46], при моем приезде в Минск, сказал мне, что для подкрепления позиций Минска в вопросе о Гомеле было бы хорошо, если бы белорусская пресса в Западной Белоруссии подняла бы шум вокруг этого дела. КРИНИЦКИЙ хотел использовать эти материалы в качестве аргументов при решении вопроса в ЦК ВКП(б). Не знаю, кто персонально из участников организации подсказал КРИНИЦКОМУ эту контр-революционную мысль. КРИНИЦКИМ, вообще, руководители

антисоветской организации вертели как хотели. Я, разумеется, охотно выполнил эту директиву КРИНИЦКОГО, и в националистической прессе Западной Белоруссии появился ряд статей, в которых говорилось о необходимости присоединения Гомеля к Белоруссии. Впоследствии КРИНИЦКИЙ же сказал мне, что эти статьи были соответствующим образом использованы им на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) наряду с какими-то старыми исследованиями, которыми КРИНИЦКОГО тогда снабдил ИГНАТОВСКИЙ. Я считал нужным рассказать об этом эпизоде.

Когда я приехал в ноябре 1926 года в Минск в качестве уполномоченного НКИД, я имел длительную беседу с ИГНАТОВСКИМ. Он информировал меня о борьбе отдельных лиц за захват в свои руки руководства нашей организации и затем он говорил о практической работе. Он сказал, что нужно перейти от мечтаний и разглагольствований к делу, что за последнее время в Минск стянуто много сил, что в провинции также ведется большая работа по втягиванию учительства в антисоветскую работу. Это делает БАЛИЦКИЙ[47]. Затем он подробно остановился на работе ПРИЩЕПОВА. Он сказал мне, что сейчас взят курс на крепкого "культурного хозяина", выдаются соответствующие грамоты, закрепляющие их права, и что так постепенно Беларусь будет выведена вся на хутора, и кулацкое сельское хозяйство станет основой нашей страны. Я помню дословно выражение ИГНАТОВСКОГО: "Тогда нам никто не страшен, — сказал он. — Мужик — зверь и он вцепится зубами в глотку каждому, кто захочет отобрать у него накопленное им добро". ИГНАТОВСКИЙ говорил мне о том, что соответствующая работа проводится по линии сельскохозяйственной академии, а он ведет такую же работу через Белорусскую Академию наук, но его уже ругают за вялость и излишнюю осторожность.

В этой связи ИГНАТОВСКИЙ рассказал мне, что работа нашей организации по линии ПРИЩЕПОВА в сельском хозяйстве проводится

при полном содействии и согласии ГОЛОДЕДА[48], который тогда только недавно сел на хозяйственную работу.

ВАСИЛЕВИЧ[49], который был тогда секретарем ЦК, знал о моем участии в организации. Взаимоотношения между ВАСИЛЕВИЧЕМ и ЧЕРВЯКОВЫМ, этими двумя основными руководителями нашей организации, были более, чем обостренные. ВАСИЛЕВИЧ в это время очень напористо вел борьбу за завоевание себе роли единственного руковдителя и абсолютного авторитета в организации. В этом отношении у него уже были ярые сторонники, которые также претендовали на роль руководящих людей, в первую очередь БАЛИЦКИЙ и ПРИЩЕПОВ. ИГНАТОВСКИЙ рассказывал мне, что хотя ПРИЩЕПОВ был одно время близок к ЧЕРВЯКОВУ, он в тот период всегда появлялся с ВАСИЛЕВИЧЕМ, всячески его пропагандировал.

Вскоре после моего приезда участники нашей организации БАЛИЦКИЙ и ЖИЛУНОВИЧ прислали мне на цензуру, как уполномоченному Наркоминдела, киносценарий БАХАРА, в котором Виленская гимназия ОСТРОВСКОГО, о котором я говорил выше, показывалась, как очаг революционной борьбы учащейся молодежи в Западной Белоруссии.

<u>ВОПРОС</u>: Кто такой БАХАР [?]

<u>ОТВЕТ</u>: БАХАР работает сейчас в Ленинграде в Белгоскинофабрике, он бывший ученик Виленской белорусской гимназии, руководимой резидентом польской разведки ОСТРОВСКИМ. Об ОСТРОВСКОМ и о роли руководимой им гимназии я уже говорил. БАХАР принадлежит к группе тех учеников, которые были переброшены в Советский Союз для проведения здесь антисоветской работы.

Сценарий был сделан так неправдоподобно, что в таком виде его нельзя было разрешать. Тогда БАЛИЦКИЙ и ЖИЛУНОВИЧ предложили мне попробовать переработать сценарий, считая, что изображение Виленской гимназии, [как] революционного очага, для нас

полезно, так как будет служить маскировкой ее действительной работы.

<u>ВОПРОС</u>: Следовательно, ЖИЛУНОВИЧ и БАЛИЦКИЙ знали о том, что ОСТРОВСКИЙ, по заданию польских разведывательных органов, готовит в Виленской гимназии террористов, шпионов и вредителей для переброски в Белоруссию [?]

<u>ОТВЕТ</u>: Да, они это знали. Эта работа проводилась с ведома руководства нашей организации, в полной увязке с ней и являлась фактически одной из линий нашей работы.

На предложение БАЛИЦКОГО и ЖИЛУНОВИЧА я согласился из тех соображений, что и они, и переработал сценарий, который затем был поставлен и выпущен на экран под названием "До завтра". В нем Виленская белорусская гимназия была показана, как фактор борьбы комсомола в Западной Белоруссии. Вообще сама подготовка этого сценария с самого начала, а затем и последующая обработка его, преследовали одну цель — завуалировать истинную роль Виленской белорусской школы, которая поставляла молодежные кадры для активной антисоветской работы.

После моего приезда ВАСИЛЕВИЧ неоднократно прощупывал мое отношение к нему и, видя, что оно положительно, он стал меня втягивать в работу и ближе посвящать в свои планы. В антисоветской работе ВАСИЛЕВИЧА очень значительную роль играли его личное честолюбие, желание быть первым и поэтому он отстранил от работы тех участников организации, которые, по его мнению, в недостаточной мере преклонялись перед ним. Старые нацдемы, вроде ЛЕСИКА, СМОЛИЧА, ЛАСТОВСКОГО, ориентировавшиеся на ИГНАТОВСКОГО, скоро почувствовали это на себе; другие это поняли и стали по каждому поводу бегать к ВАСИЛЕВИЧУ.

ВАСИЛЕВИЧ был со мной и БАЛИЦКИМ на квартире у НЕКРАШЕВИЧА[50], где велся разговор о будущем президиуме Академии.

НЕКРАШЕВИЧУ, который был связан с БАЛИЦКИМ еще прежней работой в Одессе, ВАСИЛЕВИЧ сказал, что он будет вице-президентом с тем, чтобы подпереть "вялого ИГНАТОВСКОГО". Мне ВАСИЛЕВИЧ после этого разговора сказал, что считает НЕКРАШЕВИЧА очень полезной фигурой и что он предполагает провести его в партию.

<u>ВОПРОС</u>: Здесь все сводится как будто к личной борьбе между ВАСИЛЕВИЧЕМ и ЧЕРВЯКОВЫМ, в то время, как, в действительности, эта "борьба" носила иной характер. Мы знаем, что ВАСИЛЕВИЧ отстранил некоторых участников организации не потому, что они недостаточно "уважали" его, а по более серьезным причинам.

<u>ОТВЕТ</u>: Здесь была и личная борьба, но, главным образом, определенная политическая тактика. Если ИГНАТОВСКИЙ и ЧЕРВЯКОВ в прежний период вели работу, опираясь, главным образом, на беспартийные старые кадры белорусских нацдемов и работа в партийном аппарате поэтому не была в руках организации, ВАСИЛЕВИЧ в этот период начал переключать работу организации на планомерный захват в свои руки руководства партийным и советским аппаратом, на сколачивание кадров участников организации с партийным билетом в кармане, на организационную работу в этой области. Здесь, разумеется, шла речь о привлечении новых людей, до сих пор незапятнанных. Постепенно под прикрытием лозунга о том, что национальные кадры должны стать опорой и основой руководства, звено за звеном практически захватывалось под руководством ВАСИЛЕВИЧА участниками организации. Здесь можно назвать: культпропа СЕНКЕВИЧА[51], заведующего орг.отделом СТАСЕВИЧА[52], секретарей отдельных окружкомов или исполкомов (в Витебске — ЧЕРНУШЕВИЧ[53], в Мозыре — СУДАКОВ). Снятый или скомпрометированный, как нацдем, участник организации заменялся другим еще не скомпрометированным участ-ником организации.

ЧАРОТ, как снятый с газеты "Савецкая Беларусь", за помещение нацдемовского письма[54], был заменен ШЕСТАКОВЫМ, в газете "Рабочий" был посажен КУЧИНС-КИЙ, вместо тихо убранного в Москву ШИПИЛО посажен Алесь НЕКРАШЕВИЧ, вместо БАЛИЦКОГО — ПЛАТУН[55] и т.д.

ВАСИЛЕВИЧ был очень гибким и ловким человеком. Люди, которые не были нужны, или на данном этапе становились опасными и лишними, или связь с которыми могла скомпрометировать непроваленных участников организации, отсекались им безжалостно. Уже к моменту партийного съезда в 1929 году[56], когда прошлое БАЛИЦКОГО стало известным и он был скомпрометирован, ВАСИЛЕВИЧ перестал с ним, а затем с ПРИЩЕПОВЫМ, видеться. Когда КУПАЛА стал как-то защищать ПРИЩЕПОВА, ВАСИЛЕВИЧ на него довольно разко обрушился, сказав, что "это не КУПАЛЫ ума дело" и что КУПАЛЕ нечего демонстративно держать на видном месте портрет ПРИЩЕПОВА и носиться с ним, раз ПРИЩЕПОВА сняли. КУПАЛА пытался возражать, но к следующему приходу ВАСИЛЕВИЧА портрета ПРИЩЕПОВА уже не было. Таким образом, в интересах сохранения организации в целом, он решительно разрывал с отдельными провалившимися ее участниками. Так было с Алесем Адамовичем[57], который в своей националистической, бешенной шовинистической ненависти был прямо патологическим типом; так было с ИЛЬЮЧЕНКОМ. Их контрреволюционные разговоры, которые велись в любом месте и по любому поводу, были просто опасны и вредны для дела, и они были изъяты. Вся "борьба" с белорусскими, так называемыми "нацдемами" ВАСИЛЕВИЧЕМ в этих же целях была взята на себя. Он выступил в "Правде", "Звяздзе", выступал с докладами, громил своих вчерашних активных соучастников, отвлекая этим внимание от незапятнанных участников организации и маскируя, таким образом, дальнейшую антисоветскую работу.

<u>ВОПРОС</u>: Вы редактировали "Полымя". Вас выдвинули именно как нескомпрометированного участника организации после провала ЖИЛУНОВИЧА [?]

<u>ОТВЕТ</u>: Да, когда ЖИЛУНОВИЧ себя скомпрометировал[58], и было опасно его защищать, ВАСИЛЕВИЧ предложил мне взять на себя редактирование журнала "Полымя".

Я должен сказать, что и некоторые участники организации недостаточно ясно отдавали себе отчет в линии ВАСИЛЕВИЧА и думали, что он сводит личные счеты, как [будто] дело шло о политических маневрах; после того, как я близко сошелся с ВАСИЛЕВИЧЕМ, у меня была беседа с ИГНАТОВСКИМ, в которой он жаловался на то, что политика ВАСИЛЕВИЧА на изгнание неугодных ему людей вредит делу. "Я понимаю, — сказал ИГНАТОВСКИЙ, — что ВАСИЛЕВИЧ хочет играть первую роль, человек он очень активный, но надо считаться также и с другими". ЧЕРВЯКОВ ему жаловался на ВАСИЛЕВИЧА, что тот просто неприлично подчеркивает на каждом шагу свое превосходство. Я ответил тогда ИГНАТОВСКОМУ, что ЧЕРВЯКОВ сам в этом виноват и что в этом вопросе ВАСИЛЕВИЧ имеет все основания считать себя руководителем. Я подчеркнул, что в то время как до ВАСИЛЕВИЧА для нашего общего дела использовались, главным образом, старые нацдемы, одно имя которых уже наводит на определенные мысли, вроде того же ЛАСТОВСКОГО, ВАСИЛЕВИЧ теперь совершенно правильно произвел определенную перегруппировку сил. Сейчас, если будут бить по нацдемам, а это при разворачивании работы неизбежно, то если какой-нибудь ЛЕСИК или ЦВИКЕВИЧ[59] и вылетят отсюда, от этого ничего страшного не произойдет. Надо втягивать новые силы, новых людей, которые не имеют за собой хвостов. Вот — установка ВАСИЛЕВИЧА и я с ней согласен.

Сам ИГНАТОВСКИЙ жаловался мне, что он устал, но что если ВАСИЛЕВИЧ и забрасывает совершенно старые кадры, то кому-то

надо ими заниматься. ИГНАТОВСКИЙ относился неодобрительно к тому, что СМОЛИЧА не включили в академики и что он вообще впал в "немилость", так как он считал, что СМОЛИЧ еще может быть нам очень полезен ("У нас ведь совсем нет экономистов",— говорил он). В этот период ИГНАТОВСКИЙ под каким-то предлогом собирался съездить на некоторое время в Варшаву для того, чтобы поставить там перед поляками вопрос о неправильной, по его мнению, линии руководства организации, Но по каким-то причинам эту поездку ему не удалось осуществить.

ИГНАТОВСКИЙ, исходя из соображений, о которых я выше говорил, использовал недовольство ЖИЛУНОВИЧА ВАСИЛЕВИЧЕМ для того, чтобы сблизить последнего с ЧЕРВЯКО-ВЫМ. ЖИЛУНОВИЧ также, как и ИГНАТОВСКИЙ, не понимали до конца линии ВАСИЛЕВИЧА, заключавшейся в том, чтобы громить тех отдельных участников организации, которых нельзя было спасти, — для того, чтобы сохранить организацию в целом.

<u>ВОПРОС</u>: Вы говорите о работе по расстановке людей и о подборе новых кадров. Здесь вопрос ясен. О деталях в этом вопросе вы дадите показания позже. Сейчас расскажите о том, какую практическую антисоветскую работу проводили учас-тники организации.

<u>ОТВЕТ</u>: О выпуске кинофильма "До завтра" я уже говорил. Академия наук в то время выпускала сплошь националис-тическую литературу, начиная от воспевания эпохи великого княжества Литовско-белорусского и кончая различными сборниками с описанием церквей. Проводилась большая вредительская работа по созданию научной белорусской терминологии. Академический словарь НЕКРАШЕВИЧА и БАЙКОВА[60] особенно ярко отобразил антисоветскую работу, с одной стороны, по нарочной полонизации белорусского языка, а, с другой стороны, по извращению определений и понятий и советских терминов при переводе их на белорусский язык в фашистском духе.

На квартире у КУПАЛЫ постоянно бывали участники организации и, по существу, в период 1929 года и отчасти 1930 года эта квартира стала штаб-квартирой антисоветских сборищ. Этими сборищами интересовалось в тот период ГПУ Белоруссии, поэтому, по указанию ВАСИЛЕВИЧА, для дезинформации ГПУ были подставлены в качестве агентов два человека — я и затем студент МЕДЗИЛКО — брат Павлины МЕДЗИЛКО[61], бывшей жены эсера ГРИБА[62] , и, кажется, дальней родственницы ВАСИЛЕВИЧА. Этот МЕДЗИЛКО, кроме того, что он был дезинформатором для ГПУ, был еще личным информатором у ВАСИЛЕВИЧА, сообщая ему о разговорах между участниками организации.

Сельскохозяйственная выставка в 1929 году была задумана руководителями нашей организации для пропаганды "куль-турного кулацкого хозяйства". Ее организатором и вдохновителем был ПРИЩЕПОВ, однако, к моменту ее открытия, приш-лось для того, чтобы не провалиться, показать колхозные достижения, в то время как по первоначальному своему плану сельскохозяйственная выставка должна была показать кулака, как опору сельского хозяйства. Между прочим, на выставку из Москвы специально приезжал сельскохозяйственный атташе при датском посольстве — 75-летний старик, который в разговоре со мной сказал, что он бывал в Белоруссии лет 25 тому назад, когда он работал вместе с Петром Алексеевичем и что за это время работа, которую начал Петр Алексеевич, как он это видит по материалам выставки, намного продвинулась вперед. На мой вопрос, кто такой Петр Алексеевич, атташе сказал мне — СТОЛЫПИН[63]. Оказалось, что этот атташе был у СТОЛЫПИНА консультантом по вопросам выведения [крестьян] на отруба.

Моя задача после того, как ВАСИЛЕВИЧ, как я уже говорил, назначил меня редактором "Полымя", заключалась в том, чтобы, несмотря ни на что, сохранить старые националисти-ческие

писательские кадры. КУПАЛА и ЧАРОТ были членами редколлегии. ЖИЛУНОВИЧ и ЗАРЕЦКИЙ[64] через некоторое времы снова появились на страницах "Полымя" (правда, на этот раз они были мною подчищены и исправлены) для того, чтобы они могли снова пролезть в советскую литературу. ЧАРОТ со скрежетом зубовным, по нашему предложению, для маскировки, написал стихотворение против нацдемов.

Когда в Белоруссии начала разворачиваться коллективизация, которая, как обухом, ударила по планам нашей организации, КУПАЛА принес мне стихи, в которых оплакивалась "уходящая деревня". По указанию ВАСИЛЕВИЧА, я предложил ему переделать первые строчки, заменив их восхвалением новой эпохи. КУПАЛА наотрез отказался, но нам важно было в этот период сохранить его и мне пришлось около недели его уговаривать. Наконец, это удалось, и стихи в измененном виде появились[65].

В этот период мною была полностью проведена работа по сохранению антисоветских националистических кадров в среде писателей.

<u>ВОПРОС</u>: А ваша связь с поляками в этот период [?]

<u>ОТВЕТ</u>: Почти весь период моего пребывания в Минске польским консулом был ЯНКОВСКИЙ, а затем в 1930 г., после его отъезда, временно, насколько я помню, был ГАЙДЗИНСКИЙ. Я использовал свое положение упономоченного НКИД в интересах нашей организации, для того, чтобы организовать связь с консулом некоторым участникам организации, в част-ности, ИГНАТОВСКОМУ И ЖИЛУНОВИЧУ. ИГНАТОВСКИЙ мне еще раньше говорил о том, что использовывает официальные посещения консульства и беседы с консулом для передачи информаций о ходе антисоветской работы и получения соответствующих указаний. Чтобы дать возможность ИГНАТОВСКОМУ поговорить наедине с консулом, я , при одном из посещений, засадил ШИПИЛО, который был приглашен вместо

ЖИЛУНОВИЧА, уже скомпрометированного к этому времени, за преферанс. Несмотря на то, что я таким образом создал ИГНАТОВСКОМУ условия для беседы с консулом, я все же считал небезопасным вести беседы в консульстве и специально предупредил об этом ИГНАТОВСКОГО, указав, что в помещении консульства могут быть микрофоны ГПУ. ИГНАТОВСКИЙ сказал, что он сам опасается этого и поэтому условился с консулом, чтобы тот приехал к нему в Академию под предлогом передачи для Виленского университета книг.

В конце 1929 года в разгар коллективизации, которая была для нас большим ударом, ИГНАТОВСКИЙ передал для Виленского центра (ОСТРОВСКИЙ—ЛУЦКЕВИЧ) очень подробную информацию о положении в Белоруссии, причем он требовал, чтобы польская пресса подняла антисоветскую компанию "о гибели белорусского народа". ИГНАТОВСКИЙ писал, что в организации царит растерянность и что мы не знаем, как начать борьбу против коллективизации. Через некоторое время ИГНАТОВСКИЙ рассказал мне, что он получил от ЛУЦКЕВИЧА ответ. Ответ этот был составлен в завуалированной форме. ЛУЦКЕВИЧ писал о том, что то, что происходит сейчас, "есть общее белорусское горе", и указывал на необходимость активно противодействовать коллективизации, говорил о том, что участники организаций Западной Белоруссии принимают бегущих к ним кулаков и использовывают их для антисоветской агитации. Этот ответ не удовлетворил ни ИГНАТОВСКОГО, ни меня, ни ЧЕРВЯКОВА. Самого письма я не читал, так как ИГНАТОВСКИЙ сказал, что уничтожил его. Он ругал ЛУЦКЕВИЧА за то, что тот не посоветовал ничего конкретного, а ЧЕРВЯКОВ говорил, что письмо ЛУЦКЕВИЧА характерно для его обычной манеры всех поучать и ничего не сказать.

В 1930 году ИГНАТОВСКИЙ решил лично съездить в Варшаву для того, чтобы увидеться непосредственно с ПИЛСУДСКИМ или, по крайней мере, с ВОЕВУДСКИМ, т.к. изменение обстановки в связи с

коллективизацией требовало детального обсуждения ряда вопросов о дальнейшей тактике антисоветской работы. ИГНАТОВСКИЙ договорился с польским кон-сулом, чтобы тот организовал приглашение ИГНАТОВСКОГО в Польшу от имени какой-то научной организации. Такое приглашение (кажеться, на съезд историков) консул вскоре передал ИГНАТОВСКОМУ.

Несколько раз ЯНКОВСКИЙ ставил передо мной вопрос о расширении помещения для консульства, указывая, что нахождение в первом этаже магазинов их очень стесняет. По этому поводу я говорил с Игнатовским, перед которым польский консул также ставил этот вопрос. ИГНАТОВСКИЙ сказал мне, что это целесообразно сделать, так как наличие в здании консульства магазинов облегчает ГПУ наблюдение за консульством и мешает ему связываться с нужными лицами. На основании этого я провел специальное решение о предоставлении полякам всего дома, что мне, как уполномоченному НКИД, под соответствующими предлогами удобно было сделать и что в действительности я сделал для того, чтобы облегчить полякам их шпионскую деятельность.

Допрос прерывается.

Записано с моих слов верно, мною прочитано.

УЛЬЯНОВ

***Допросили**:*
Зам. нач. 4 отдела УГБ НКВД БССР
ст. лейтенант Гос.Безопасности *ВОЛЧОК*
Зам. нач. 3 отдела УГБ [НКВД БССР]
лейтенант гос.безоп[асности] *ГЕПШТЕЙН*
Инспектор УПВО
ст.лейтенант ГБ *БАРАНОВ*
***Верно:** Инспектор ГУПВО НКВД*
ст. лейтенант гос.без[опасности] *МОРОЗОВ*
***Верно**: Оп. уполн.*
млад. лейтен. госуд. безоп[асности] *КОЧИЛОВА [?]*

Архив Управления ФСК РФ по Саратовской области. Д. № ОФ-15302. Л.23—53.

КОММЕНТАРИЙ

К ПРОТОКОЛУ ДОПРОСА А.Ф.УЛЬЯНОВА ОТ 28 ИЮНЯ 1937 Г.

1 **Дефензива** (разг.) — политическая полиция в довоенной Польше. Понятие, близкое к слову "охранка".

2 **Воевудский Сильвестр** (1892-1938) — польский военный и политический деятель, сотрудник службы разведки.

Родился в Пскове. В 1913 г. в Петербурге вступил в Польскую социалистическую партию (ППС). В первой мировой войне участ-вовал в польских легионах. Член Польской организации войсковой (ПОВ). В 1918-1922 гг. офицер 2-го отдела польского генерального штаба. В 1922-1927 гг. посол (депутат) в польском сейме. Один и основателей (1924) и руководитель Независимой крестьянской партии (НКП). С 1930 г. в Минске. В 1931 г. арестован, в марте 1933 г. коллегией ОГПУ осужден к 10 годам ИТЛ. После дополнительного расследования в апреле 1938 г. коллегией ВС СССР приговорен к ВМН. Расстрелян.

3 **Пилсудский Юзеф** (1867-1935) — государственный, военный и политический деятель Польши.

Родился в имении Зулова Свентянского уезда Виленской губ. В 1888—1892 гг. в ссылке в Сибири. С 1906 г. лидер правого крыла Польской социалистической партии. В первую мировую войну командовал польским легионом, воевавшим против России вместе с австро-венгерскими войсками. В 1918-1922 гг. возглавлял высшую власть в Польше ("Начальник государства"). Один из главных инициаторов советско-польской войны 1920 г. В мае 1926 г. осуществил государственный переворот и установил режим диктаторского правления под лозунгом "санации" — оздоровления политической и экономической жизни.

Правительство Пилсудского враждебно относилось к СССР, придерживалось политики сотрудничества с Германией. В Западной Белоруссии режим "санации" привел к усилению социального и национального угнетения населения, его насильственному ополячиванию.

[4] **Игнатовский В.М.** (1881-1931) — государственый и общественный деятель. Академик Белорусской академии наук (1928), профессор БГУ. Член Коммунистической партии с июля 1920 г. В 1901-1917 гг. член партии эсеров. В 1917 г. входил в состав ЦК БСГ, после ее раскола (1918) в партии белорусских эсеров (БПС-Р). В 1920 г. создал Белорусскую коммунистическую организацию (БКО), позже вошедшую в состав КП(б)Б.

Родился в д.Токари нынешнего Каменецкого района. В 1911 г. окончил Юрьевский (Тартусский) университет. Преподавал историю в Виленской частной гимназии. В 1914-1920 гг. преподаватель Минского учительского института, возглавлял в нем педагогический Совет. С августа 1920 г. нарком земледелия, в 1921-1926 гг. нарком просвещения БССР, председатель Института белорусской культуры (ИБК). В 1929-1931 гг. президент БАН. В 1924-1930 гг. член президиума ЦИК БССР. В составе делегации БССР в 1922 г. участвовал в подписании Договора об образовании СССР. В 1922-1929 гг. избирался делегатом I—V Всесоюзных съездов Советов. Избирался членом ЦИК БССР, с 1924 г. — членом президиума ЦИК СССР. Делегат от КП(б)Б на V конгрессе Коминтерна. С ноября 1924 г. по октябрь 1930 г. член бюро ЦК КП(б)Б. Входил в бюро помощи КПЗБ (заграничное бюро ЦК КП(б)Б).

В.М.Игнатовский автор ряда научных работ по истории Белоруссии: "Кароткі нарыс адраджэння Беларусі" (1921), "Кароткі нарыс гісторыі Беларусі" (в 1921-1927 гг. вышло 5 изданий), "Гісторыя Беларусі ў канцы 19 — пачатку 20 стаг." (1928, 3 издания), "1863 год на Беларусі" (1930) і др.

В октябре 1930 г. пленумом ЦК КП(б)Б выведен из состава бюро ЦК. В январе 1931 г. исключен из КП(б)Б с формулировкой: "как чуждый элемент, который играл наруку нацдемовской контрреволюции". В последующем обвинялся в шпионской деятельности в пользу буржуазной Польши. После одного из вызовов на допрос в ГПУ БССР 4 февраля 1931 г. застрелился. Реабилитирован. В 1990 г. восстановлен в членах КПСС (посмертно).

[5] **Пепеэсовец** — принадлежащий к Польской социалистической партии (ППС).

ППС образована в 1893 г. Ставила задачей борьбу за независимость Польши, нацеливала на нее польский рабочий класс, изолируя его от революционного движения в России. На начальном этапе старалась основывать свою деятельность на марксистской идеологии. До 1914 г. с

ППС связан Ю.Пилсудский. В период советско-польской войны 1920 г. одобрила захват белорусских, украинских и литовских земель. В 1918-1919 гг. была правительственной партией, в последующем сотрудничала с националистическими правительствами. После майского переворота 1926 г. поддерживала Ю.Пилсудского.

6 **Кончевский И.В.** (1896-?)

Родился в Вильно в семье учителя. Окончил реальное училище. Учился в Петроградском технологическом институте (1913-1915) и Московском университете (1915-1917). В 1917-1918 гг.в старой армии, затем в кооперативных органах. Работал инструктором Центробелсоюза. В 1916-1917 гг. эсер, в 1920 г. в Белорусской коммунистической организации (БКО), вместе с другими ее членами принят в КП(б)Б.

7 **Белорусская коммунистическая организация** (БКО) — организация коммунистического направления. Создана 1 января 1920 г. на основе организации "Молодая Беларусь", функционировавшей с мая 1917 г. при Минском учительском институте. В программных и тактических установках "Молодая Беларусь" ориентировалась на Белорусскую социалистическую громаду (БСГ), после распада последней вошла в БПС-Р. Затем ее левое крыло в ходе подпольной борьбы против польской оккупации образовало организационный центр, заявивший о признании программы и тактики РКП(б). В руководящее ядро входили В.М.Игнатовский, А.О.Сташевский, И.П.Кореневский, С.Г.Булат, М.С.Куделько (М.Чарот), М.И.Мороз и др. В феврале 1920 г. на совещании в Минске избран постоянный ЦК БКО в составе: В.М.Игнатовский (председатель), С.Г.Булат, И.П.Кореневский. К этому времени организация насчитывала до 2 тыс.членов.

Под руководством ЦК БКО в ряде районов Белоруссии действовали партизанские отряды, поддерживавшие контакты с частями Красной Армии. 31 июля 1920 г. председатель ЦК БКО В.М.Игнатовский вместе с представителями ЦК КП(б)ЛиБ, ЦК Бунда и ЦБ профессиональных союзов подписал "Декларацию о провозглашении независимости Социалистической Советской Республики Беларусь". В августе 1920 г. члены БКО приняты в состав КП(б)ЛиБ.

В середине 30-х годов почти всех бывших членов БКО обвинили в антисоветской деятельности и репрессировали.

8 **Червяков А.Г.** (1892-1937) — государственный и партийный деятель, один из руководителей утверждения Советской власти в Белоруссии. Член Коммунистической партии с 1917 г.

Родился в д.Дукора нынешнего Пуховичского района. Окончил Виленский учительский институт (1915). После завершения учебы призван в армию, где в армейских кружках и организациях вел революционную пропагандистскую работу. Один из организаторов и руководителей Белорусской социал-демократической рабочей партии большевистской ориентации. В феврале-мае 1918 г. комиссар Белорусского национального комиссариата. С июля 1918 г. в Красной Армии. В числе 5 членов Временного рабоче-крестьянского Советского правительства Белоруссии 1 января 1919 г. в Смоленске подписал Манифест о провозглашении ССРБ. В 1919 г. комиссар просвещения ССРБ, заместитель наркома просвещения Литовско-Белорусской ССР. После вступления польских войск на территорию Белоруссии — в политотделе и реввоенсовете Западного фронта. В 1920 г. председатель Минского губернского ВРК, ВРК ССРБ. Участник мирных переговоров с Польшей в Риге. В 1920-1924 гг. председатель ЦИК и СНК БССР, с 1924 г. председатель ЦИК БССР, в 1922-1937 гг. — один из председателей ЦИК СССР. Участник подготовки образования СССР, разработки пятилетних планов развития народного хозяйства и культуры СССР и БССР, конституций СССР и БССР.

Член Центрального Бюро (ЦБ) КП(б)Б в 1920-1924 гг., ЦК КП(б)Б и его бюро в 1924-1937 гг. Член ЦИК СССР и его президиума с 1922 г., ЦИК БССР и его президиума в 1919-1937 гг.

Покончил жизнь самоубийством во время работы XVI съезда КП(б)Б (16 июня 1937 г.). В предсмертном обращении к делегатам съезда писал: "Все от меня отвернулись. Мне бросаются самые нелепые обвинения в двурушничестве. Поверьте — путь работы в БССР был сложный, трудный, на этот путь я шел только во имя партии Ленина—Сталина, под руководством партии и ее ЦК ... Я ухожу, проклиная всех врагов народа, я проклинаю белорусских фашистов, агентов польского империализма".

9 **Езовитов К.Б.** (1893-1946) — деятель белорусского национально-государственного возрождения.

Родился в г.Двинске. Окончил Витебский учительский институт в 1919 г. и в том же году Павловское военное училище. Участник первой мировой войны — воевал на Северном фронте. Был избран заместителем председателя Белорусской войсковой центральной рады. Участник первого Всебелорусского съезда, проходившего в декабре 1917 г. В марте 1918 г. принимал участие в провозглашении БНР, вошел в состав ее Рады. Являлся народным секретарем военных дел в составе

правительства БНР. В 1919-1920 гг. шеф Белорусской военно-дипломатической миссии в Латвии и Эстонии. В 1921-1944 гг. в Латвии. Участвовал в работе второго Всебелорусского конгресса, созванного коллаборационистами в оккупированом фашистами Минске (1944).

Арестован контрразведкой "Смерш" 1-го Украинского фронта 26 апреля 1945 г. в г.Загане (Германия). На допросе в этот же день показал, что с 1925 по 1934 год сотрудничал с полпредом СССР в Латвии сначала Черных, позже — Ульяновым, имел кличку "Озол". В 1940 г. под этой кличкой состоял на учете в НКВД Латвийской ССР, для переговоров с НКГБ СССР вызывался в Москву.

Умер 23 мая 1946 г. в госпитале городской тюрьмы МВД БССР.

10 **В бюро помощи КПЗБ** (заграничное бюро ЦК КП(б)Б), функционировавшее в середине 20-х годов, входили: А.Г.Червяков, В.А.Богуцкий, А.Н.Асаткин, А.И.Криницкий, А.С.Славинский, В.М.Игнатовский и др. На заседаниях решались вопросы организационной, пропагандистской, кадровой, финансовой помощи КПЗБ, национально-освободительному движению в Западной Белорусиии. Бюро имело небольшой штат технических работников, школу по подготовке кадров. Контактировало работу с представительством Компартии Польши при Исполкоме Коминтерна в Москве.

11 **Ильюченок П.В.** (1891-1945) — общественный и государственный работник БССР. Член Коммунистической партии с 1918 г.

Родился в д.Рустяги нынешнего Браславского района. Окончил реальное училище. В 1910-1911 гг. чернорабочий в Петербурге, в 1912-1917 гг. служил в армии. В 1918-1920 гг. — в Одессе, в Белорусском беженском комитете. Являлся членом национально-культурнической организации "Белорусский гай". В марте 1918 г. утвержден уполномоченным по особым поручениям Белорусского национального комиссариата. С установлением в Одессе Советской власти — председатель Белорусско-литовской секции при Одесском губкоме партии. Направлен ЦК РКП(б) в Смоленск. С начала 1920 г. работал в Минске: уполномоченный по восстановлению Минского железнодорожного узла, заведующий Минским жилотделом. В 1921-1929 гг. зам.наркома социального обеспечения, зав.отделом Наркомпроса БССР, доверенный издательства "Савецкая Беларусь", зам.председателя Белгосиздата, зам. председателя торгового обещства "Белпайторг".

Арестован в феврале 1930 г. в связи с "делом СВБ". Осужден в марте 1931 г. к 10 годам ИТЛ. Вторично арестован в октябре 1937 г.

Тагильским городским отделом НКВД и в ноябре того же года осужден по обвинению в продолжении контрреволюционной деятельности на 5 лет ИТЛ. Освобожден в октябре 1942 г. Снова арестован в январе 1943 г. и Иркутским областным судом осужден на 10 лет ИТЛ. Умер в июне 1945 г. в Тайшетлаге.

Реабилитирован в июне 1988 г.

12 **Морозовский (Гурин) М.И.** (1891-1928) — белорусский политический деятель, участник революционного движения в Западной Белоруссии. В КП(б)Б с 1920 г., до этого в партии эсеров и в Белорусской коммунистической организации (БКО). Член КПЗБ. Вышел из КПЗБ в 1925 г.

Родился в д.Яремичи нынешнего Кореличского района. В 1912 г. окончил Псковский учительский институт. После Октябрьской революции в Красной Армии. С 1921 г. редактор газет "Белорусская деревня" и "Савецкая Беларусь". В феврале 1924 г. ЦК КП(б)Б направлен на подпольную работу в Западную Белоруссию. Поддерживал связь с Заграничным бюро ЦК КП(б)Б и лично с В.М.Игнатовским (обмен письмами).

Участвовавшие в посылке М.И. Морозовского (Гурина) на подпольную работу в Западную Белоруссию А.Г. Червяков, В.М.Игнатовский, П.В.Ильючонок были наказаны в партийном порядке.

В 1924-1925 гг. член Ц□К КПЗБ. Созванная по его инициативе в ноябре 1924 г. в Вильно II конференция КПЗБ одобрила предложенный им курс на организационную и политическую подготовку широкого вооруженного восстания с целью объединения Западной Белоруссии с БССР, против которого резко выступил ЦК Коммунистической партии Польши (КПП) и возражал ЦК РКП(б). В ответ Морозовский с группой единомышленников в декабре 1924 г. в газете "Большевик" опубликовали программный документ под названием "Коммуникт". В нем критиковалась политическая линия КПП, ставился вопрос о самостоятельности КПЗБ от ее руководства, праве КПЗБ на особые формы работы среди населения западно-белорусского региона, жестко выдвигалось требование об отзыве из КПЗБ функционеров, присланных ЦК КПП. В связи с деятельностью Морозовского в Западной Белоруссии, которая была квалифицирована как открыто раскольническая (сецессия), бюро ЦК КП(б)Б в январе 1925 г. потребовало его возвращения в БССР. Морозовский с этим решением не согласился, вышел из КПЗБ и начал выпускать в Вильно в подпольной типографии газету "Чырвоны сцяг". Газета была разгромлена польскими

властями, а Морозовский заключен в белостокскую тюрьму. В 1927 г. на процессе над 56-ю деятелями Белорусской крестьянско-рабочей громады (БРКГ) выступил с показаниями на ее руководителей, обвинив их в предательстве белорусскому делу. 16 марта 1928 г. застрелен в Вильно активистами КПЗБ как провокатор.

13 **Медведь В.Ф.** (1890-1938) — в 1924-1925 гг. Полномочный представитель ОГПУ по Западному краю. Член ЦК КП(б)Б и его бюро в эти же годы.

14 **Славинский (Кочеровский) А.С.** (1885-1937) — деятель польского и российского революционного движения, партийный и государственный деятель БССР. Член Коммунистической партии с 1907 г.

Родился в г.п.Панинка нынешнего Полонского района Хмельницкой обл. С 1912 г. работал в Петербурге. Участник Февральской и Октябрьской революций 1917 г. С января 1918 г. в Минске, член Минского подпольного районного комитета РКП(б), Краевого комитета коммунистических организаций Белоруссии и Литвы, начальник Минской городской милиции, заведующий отделом в Минском губернском ВРК. В 1919-1920 гг. в Красной Армии. Один из организаторов партизанского движения в Минской губернии. С 1921 г. нарком замледелия ССРБ. В 1924-1928 гг. представитель КПЗБ при ЦК КП(б)Б. В 1928-1930 гг. секретарь Минского окружкома и горкома КП(б)Б, председатель МОПРа БССР. В 1934-1937 гг. начальник политотдела Московско-Белорусско-Балтийской железной дороги.

Арестован в 1937 г. В ноябре 1937 г. ВК ВС СССР приговорен к ВМН. Реабилитирован ВК ВС СССР в апреле 1955 г. Восстановлен (посмертно) в КПСС.

15 **Тарашкевич Б.А.** (1892-1938) — деятель белорусского национального возрождения, лингвист. Академик БАН (1928). Член Коммунистической партии с 1925 г. До этого с 1911 г. член Белорусской социалистической громады (БСГ), в 1918-1923 гг. один из лидеров Белорусской социал-демократической партии (БСДП).

Родился в д.Матюлишки Виленского района (Литва). В 1916 г. окончил историко-филологический факультет Петроградского университета и работал там на кафедре русского языка. В 1918 г. заведовал культурно-просветительным отделом Белнацкома. С 1921 г. директор Виленской белорусской гимназии. В 1922 г. избран послом сейма Польши, возглавлял в нем белорусскую парламентскую фракцию.

Один из организаторов Белорусской крестьянско-рабочей громады (БКРГ) — массовой легальной революционной организации в Западной

Белоруссии в 1925-1927 гг. Автор программы БКРГ (принята в мае 1926 г.). Программа содержала основные демократические и отдельные социалистические требования, включая самоопределение Западной Белоруссии, объединение всех белорусских земель в республике крестьян и рабочих, что фактически означало воссоединение с БССР. В 1927 г. арестован польскими властями и приговорен к 12 годам тюремного заключения. В 1930 г. освобожден, в 1931 г. снова арестован и приговорен к 8 годам каторги. В сентябре 1933 г. по обмену политзаключенными переехал в Советский Союз. Работал заведующим отделом Польши и Прибалтики Международного аграрного института в Москве.

Автор первой "Беларускай граматыкі для школ" (1918). Исследовал аграрную экономику капиталистических стран, переводил на белорусский язык классические произведения мировой литературы, разрабатывал проблемы белорусского языкознания.

Арестован в мае 1937 г. Обвинялся в том, что с 1919 г. являлся польским шпионом и в 1933 г. переброшен в СССР для организации и проведения шпионско-диверсионной работы. В январе 1938 г. приговорен к ВМН. Расстрелян 29 ноября 1938 г. в Минске. Реабилитирован в январе 1957 г.

16 **Рак-Михайловский С.А.** (1885-1938) — деятель белорусского национального возрождения и национально-освободительного движения в Западной Белоруссии. Кандидат в члены Коммунисти-ческой партии с 1931 г.

Родился в д. Максимовка Вилейского уезда. Окончил педагоги-ческий институт в Феодосии (1912). Участник первой мировой войны. Член БСГ до 1918 г., Рады БНР и ее войсковой комиссии. С 1922 г. посол польского сейма, один из основателей БКРГ и заместитель председателя ее ЦК. В январе 1927 г. арестован польскими властями и осужден на 12 лет тюрьмы. В 1931 г. по обмену политзаключеными прибыл в СССР. Работал в Минске директором исторического музея.

Арестован в августе 1933 г. по сфабрикованному ГПУ делу "Белорусский национальный центр" (БНЦ). В январе 1934 г. приговорен к ВМН. Приговор был заменен 10 годами ИТЛ с отбыванием на Соловецких островах. В сентябре 1937 г. снова арестован и в ноябре 1938 г. приговорен к ВМН. Расстрелян в Минске 27 ноября 1938 г. Реабилитирован в августе 1956 г.

[17] **Дворчанин И.С.** (1895-1937) — белорусский общественный деятель, участник национально- освободительного движения в Западной Белоруссии. Литератор. Член Комунистической партии с 1925 г.

Родился в д. Погири нынешнего Дятловского района. Окончил Пражский университет со степенью доктора философии (1925). В 1912—1915 гг. работал учителем на Слонимщине. В 1918 г. секретарь культурно-просветительного отдела Белорусского национального комиссариата. С 1926 г. в Вильно преподавал литературу в белорусской гимназии, был секретарем Белорусского издательского товарищества. В 1928 г. избран послом в польский сейм. Являлся заместителем председателя революционной организации "Змаган-не". В 1930 г. арестован польскими властями и приговорен к 8 годам тюремного заключения. По обмену политическими заключенными в 1932 г. прибыл в СССР. Работал в Комиссии по изучению Западной Белоруссии и в Институте языкознания БАН.

Арестован в августе 1933 г. по "делу БНЦ". В январе 1934 г. осужден на 10 лет ИТЛ. Наказание отбывал на Соловецких островах, работал на строительстве Беломорско-Балтийского канала. В 1937 г. снова арестован и в ноябре 1937 г. УНКВД Ленинградской обл. приговорен к ВМН. Расстрелян 8 декабря 1937 г. Реабилитирован в августе 1956 г.

[18] **Имеется ввиду** Всебелорусский съезд (конгресс) политических партий и организаций (Минск, декабрь 1917 г.). Съезд высказался за саомоопределение Белоруссии. Был разогнан по распоряжению бельшевистских лидеров. Избранная на съезде Рада подготовила провозглашение в марте 1918 г. Белорусской Народной Республики (БНР).

[19] **Метла П.В.** (1890-1936) — деятель национально-освободительного движения в Западной Белоруссии. Член Коммунистической патии с 1926 г.

Родился в д.Кухтинцы Дисненского уезда. С 1912 г. работал учителем, с 1914 г. в армии. В 1917-1921 гг. учительствовал в Дисненском уезде. Участвовал в национально-освободительном движении в Западной Белоруссии. В 1922 г. избран в польский сейм, входил в революционно-демократическое крыло белорусской национальной фракции. Один из основателей БКРГ, член ее ЦК. После ее разгрома арестован и в 1927 г. приговорен к 12 годам тюрьмы. По обмену политзаключенными в 1930 г. прибыл в СССР. Работал в ВСНХ БССР, возглавлял Комиссию по изучению Западной Белоруссии в БАН.

Арестован в сентябре 1933 г. по "делу БНЦ". В январе 1934 г. осужден на 10 лет ИТЛ. Наказание отбывал в Белбалтлагере. Умер в августе 1936 г. Реабилитирован в августе 1956 г.

20 **Рогуля В.Т.** (1879-1955) — белорусский общественно-политический деятель.

Родился в д.Ацукевичи Новогрудского уезда. Закончил Молодечненскую учительскую семинарию в 1898 г., Виленский педагогический институт в 1906 г. Работал учителем. В годы первой мировой войны служил в армии. Делегат Всебелорусского съезда 1917 г. Позже — в Западной Белоруссии. В 1922 г. избран в польский сейм.

После сентября 1939 г. работал учителем. Арестован 20 июня 1941 г., тюремного заключения избежал. В годы немецкой аккупации был бургомистром Дятловского района. После окончания войны в Западной Германии, Бельгии, США.

21 **Волошин П.П.** (1891-1937) — деятель национально-освободитель-ного движения в Западной Белоруссии. Член КПЗБ с 1926 г.

Родился в д. Гаркавичи Сокольского уезда Гродненской губ. В 1923 г. избран в польский сейм. Один из инициаторов создания БКРГ, член ее ЦК. В январе 1927 г. арестован польскими властями и осужден на 12 лет тюремного заключения. С сентября 1932 г. по обмену политзаключенными — в СССР. Работал ответственным секретарем ЦК МОПР БССР, в Государственной библиотеке.

Арестован в сентябре 1933 г. по "делу БНЦ". В январе 1934 г. приговорен к ВМН с заменой на 10 лет ИТЛ на Соловецких островах. В октябре 1937 г. УНКВД Ленинградской обл. приговорен к ВМН. Расстрелян 3 ноября 1937 г. Реабилитирован в 1956 г.

22 **Островский Р.К.** (1887-1976) — деятель белорусского национально-освободительного движения. Коллаборационист в годы Великой Отечественой войны.

Родился в фольварке Заполье Слуцкого уезда. Участвовал в революции 1905-1907 гг. В 1908 г. поступил на математический факультет Петербургского университета. В 1911 г. арестован и после короткого содержания в тюрьмах Петербурга и Пскова освобожден. В 1912 г. снова принят в университет, затем переведен в Юрьевский университет (Тарту), который окончил в 1913 г. Работал учителем в Ченстохове (Польша) и Минске, в 1915-1917 гг. преподавал в Минском учительском институте. После Октябрьской революции директор Слуцкой гимназии. В июне 1917 г. избран в состав ЦК БСГ. Выступил против Октябрьского

переворота. Участник Всебелорусского съезда 1917 г. В 1920 г. служил в армии Деникина. Участник Слуцкого восстания 1920 г. С 1921 г. в Западной Белоруссии. Работал в Польско-американском комитете помощи детям, преподавателем, директором Виленской белорусской гимназии (1924-1936). С 1924 г. сотрудничал с КПЗБ. Был вице-председателем ЦК БКРГ, председателем Товарищества белорусской школы (ТБШ). В 1925—1926 гг. директор Белорусского кооперативного банка в Вильно. В 1926 г. вступил в КПЗБ. В январе 1926 г. арестован, на судебном процессе Громады оправдан. В 1928 г. избран в польский сейм. В 1928-1936 гг. пропагандировал идеи сотрудничества с польской санацией. В мае 1934 - декабре 1935 гг. деятели национально-освободительного движения провели над ним общественный суд. С 1936 г. работал в польской школе, возглавлял отделение Белорусского комитета самопомощи в Лодзи.

С осени 1941 г. в оккупированном немцами Минске. С октября 1941 г. бургомистр в Смоленске, Брянске, Могилеве. С декабря 1943 г. президент созданной оккупантами Белорусской центральной рады (БЦР). Один из главных оранизаторов коллаборационистского второго Всебелорусского конгресса (июнь 1944г.). После войны жил в Западной Германии, с 1956 г. в США.

23 **Луцкевич А.И.** (1884-1941) — деятель белорусского национально-государственного возрождения. Публицист, литературный критик.

Родился в Шавли Ковенской губ. Окончил Петербургский и Дерптский университеты. Один из основателей БСГ и членов ее ЦК, один из редакторов газет "Наша доля" и "Наша ніва". В 1917 — начале 1918 гг. вел работу по созданию БНР. С ноября 1918 г. до марта 1920 г. возглавлял правительство БНР, одновременно в нем министр иностранных дел. В 1918 г. образовал Белорусскую социал-демократическую партию. В 1919 г. возглавил Наивысшую раду БНР, поддержавшую польских интервентов и заключившую с ними соглашение о вхождении Белоруссии в состав Польши. В 20-30-е годы председатель Белорусского научного общества, преподаватель белорусской гимназии в Вильно.

Арестован органами НКВД СССР 30 сентября 1939 г. и постановлением особого совещания при НКВД СССР осужден на 8 лет к заключению в концлагерь. Погиб предположительно в 1941 г.

24 **Чарот Михась** (Куделько М.С.) (1896-1937) — белорусский писатель и общественный деятель. Член Коммунистической партии с 1920 г., до этого в составе БКО.

Родился в г.п.Руденск нынешнего Пуховичского района. В 1917 г. окончил Молодечненскую учительскую семинарию. Участник подпольной борьбы против польской оккупации Белоруссии. Инициатор создания и руководитель с 1923 г. литературной организации "Маладняк". В 1925-1929 гг. редактор газеты "Савецкая Беларусь". В 1922-1924 гг. кандидат, в 1924-1931 гг. член ЦИК БССР.

Арестован в январе 1937 г., в октябре этого же года по обвинению в принадлежности к контрреволюционной нацдемовской организации приговорен к ВМН. Расстрелян 29 октября 1937 г. в Минске. Реабилитирован в июне 1956 г.

25 **Смолич А.А.** (1891-1938) — деятель белорусского национально-государственного возрождения. Географ.

Родился в д. Бацевичи нынешнего Кличевского района. В 1916 г. окончил Ново-Александровский институт сельского хозяйства и лесоводства. Участвовал в провозглашении БНР, являлся заместителем председателя рады БНР, народным секретарем земледелия. Член БСГ, позже член БСДП. С 1922 г. в БССР: заведующий планово-экономическим отделом Наркомзема БССР, руководитель отдела природы и хозяйства ИБК, с 1926 г. заместитель его председателя. Доцент, профессор, зав. кафедрой географии БГУ и БАН. Автор первого учебника по географии Белоруссии (в 1919-1915 гг. выдержал 4 издания).

Арестован в июне 1930 г. по "делу СВБ". В апреле 1931 г. сослан на 5 лет в г.Оса Пермской обл., позже в г.Ишим. Работал бухгалтером, плановиком, преподавателем географии в педагогическом и животноводческом техникумах г.Ишима. В июне 1937 г. снова арестован и в июне 1938 г. приговорен к ВМН. Расстрелян 17 июня 1938 г. в г.Омске. Реабилитирован в феврале 1957 г. по второму, в июне 1988 г. по первому приговору.

26 **Лёсик И.Ю.** (Язеп Лёсик) (1884-1940) — деятель белорусского национально-государственного возрождения. Языковед, писатель. Академик БАН (1928).

Родился в д.Николаевщина нынешнего Столбцовского района. Окончил Молодечненскую учительскую семинарию. В 1906 г. за участие в революционном движении сослан в Сибирь. Возвратился в Белоруссию после Февральской революции. Один из лидеров БСГ. С мая 1917 г. редактор газеты "Вольная Беларусь". Участник провозглашения БНР, входил в состав ее Рады. В 1918 г. основал Белорусскую социал-

демократическую партию (БСДП). Во время оккупации Белоруссии польскими войсками сотрудничал в газетах "Звон" и "Беларусь" (в 1920 г. ее редактор). В 1919 г. председатель Рады БНР. В 1921 г. открыто заявлял о признании Октябрьской революции и БССР. Преподавал в БГУ, работал в ИБК и БАН. Переводил на белорусский язык произведения марксистской литературы. Автор школьных учебников по грамматике и синтаксису белорусского языка.

Арестован в июле 1930 г. по "делу СВБ". В апреле 1931 г. сослан на 5 лет в г.Камышин Саратовской обл. В июне 1938 г. снова арестован. В марте 1940 г. осужден на 5 лет ИТЛ по обвинению в ведении антисоветской агитации. Умер 1 апреля 1940 г. в саратовской тюрьме. Реабилитирован в октябре 1958 г. по второму, в июне 1988 г. по первому приговору.

27 **Ластовский В.Ю.** (1883-1938) — деятель белорусского национально-государственного возрождения. Историк, литературовед, публицист. Академик Белорусской академии наук (1928).

Родился в имении Колесникова Дисненского уезда (теперешний Браславский район Витебской обл.). В 1904-1905 гг. слушал лекции в Петербургском университете. В 1909-1914 гг. сотрудник газеты "Наша ніва", в 1916-1917 гг. редактор газеты "Гоман". В 1906-1917 гг. член БСГ, с 1919 г. — БПС-Р. С декабря 1919 г. возглавлял Раду БНР. В 1923 г. вышел из правительства БНР и посвятил себя литературной и научной деятельности. В 1923-1927 гг. издавал журнал "Крывіч". После отхода от политической деятельности обратился к правительству БССР с просьбой о разрешении возвратиться на научную работу в республику. С 1927 г. директор Белорусского государственного музея. С 1929 г. непременный секретарь БАН, заведующий кафедрой этнографии.

Автор ряда работ по истории Белоруссии, а также учебников для школ, в их числе "Кароткая гісторыя Беларусі" (1910), "Гісторыя беларускай (крыўскай) кнігі" (1926). Писал рассказы и повести.

Арестован в июле 1930 г. по "делу СВБ". В апреле 1931 г. сослан на 5 лет в Саратов. Работал зав.отделом редких рукописей Саратовской государственной библиотеки. В августе 1937 г. снова арестован и в январе 1938 г. как "агент польской разведки и участник национал-фашистской организации" приговорен к ВМН. Расстрелян 23 января 1938 г. в Саратове. Реабилитирован в сентябре 1958 г. по второму, в июне 1988 г. по первому приговору.

[28] **Коханович М.С.** (1882-1934) — деятель белорусского национального возрождения.

Родился в д.Великие Луки Новогрудского уезда. Окончил Харьковский университет. Работал учителем. В 1915 г. председатель Могилевской белорусской рады. Участник Всебелорусского съезда 1917 г. С 1918 г. Вильно. Избирался в польский сейм. С середины 30-х годов в Минске.

Арестован в августе 1933 г. по "делу БНЦ". В январе 1934 г. приговорен к ВМН. Расстрелян в мае 1934 г. в Минске.

[29] **Калиновский В.** — деятель белорусского национально-освободитель-ного движения в Западной Белоруссии.

В 1922 г. избран послом в польский сейм. Однако польская администрация аннулировала мандат. Позже жил в БССР. Дальнейшая судьба неизвестна.

[30] **Козюра С.Л.** — уполномоченный НКИД СССР при СНК БССР, член ЦК КП(б)Б. В БССР работал с конца 1925 до конца 1928 г.

[31] **Жилунович Д.Ф.** (Тишка Гартный) (1887-1937) — деятель белорусского национально-государственного возрождения, государственный и общественный деятель БССР. Писатель. Академик БАН (1928). Член Коммунистической партии с 1918 г.

Родился в г.п. Копыль Минской обл. Участник революции 1905-1907 гг., член Копыльской организации РСДРП, член БСГ. После Октябрьской революции секретарь Белорусского национального комиссариата, редактор газеты "Дзянніца". С 1 января по 3 февраля 1919 г. председатель Временного революционного правительства ССРБ. Позже на политической работе в Красной Армии. После окончания гражданской войны возглавлял Государственное издательство БССР. Редактор газеты "Савецкая Беларусь", журнала "Полымя", заместитель наркома просвещения и начальник главискусства БССР. В 1934-1936 гг. — в Институте истории АН БССР. Автор романов, повестей, рассказов.

Арестован в октябре 1936 г. Обвинялся в участии в контрреволюционной фашистской организации, якобы существовавшей в Минске. Умер 11 апреля 1937 г. в Могилевской психиатрической больнице. Уголовное дело за недоказанностью преступления прекращено в 1955 г. Полностью реабилитирован в сентябре 1987 г., в 1988 г. восстановлен (посмертно) в КПСС.

[32] **Купцевич Ф.Ф.** (1900-1938) — белорусский литературный критик. Член КП(б)Б.

В середине 20-х годов работал в ЦК КП(б)Б, секретарем Кричевского райкома партии. Был на нелегальной работе в Латвии. Затем заместитель редактора газеты "Звязда" и в радиокомитете. В 1929 г. направлен на учебу на литературное отделение Института красной профессуры (Москва). В августе 1930 г. арестован по "делу СВБ", в октябре освобожден. Работал в Москве. В 1933 г. арестован и осужден на 5 лет ИТЛ. Во время нахождения в лагере в ноябре 1937 г. снова арестован и в марте 1938 г. расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

В данном случае имеются в виде письма к Д.Ф. Жилуновичу и А.Ф.Адамовичу, в которых Ф.Ф.Купцевич, как член литературного объединения "Узвышша", излагает свое отношение к литературным процессам в Белоруссии, защищает позиции своей группы в полемике с молодняковцами. Секретариат ЦК КП(б)Б 28 декабря 1929 г. квалифицировал это выступление как "антипартийное и национал-демократическое". После публикации в газете "Звязда" статьи "Письма ренегата", в которой Ф.Ф.Купцевич обвинялся также и в различных служебных злоупотреблениях, вопрос о нем в начале февраля 1930 г. был вынесен на обсуждение сначала президиума ЦКК, а позже бюро ЦК КП(б)Б. В принятом постановлении указывалось: "Считать, что письмо т.Купцевича к Жилуновичу и Адамовичу А. является действием, направленным против партии и ее ЦК, а также проявлением активно выраженного антисемитизма и национал-демократизма". Бюро признало автора заслуживающим исключения из партии, однако, с учетом признания им ошибок и обещания исправить их, ограничилось объявлением ему строгого выговора с предупреждением [в случае повторения подобного будет исключен из КП(б)Б] с посылкой на 2 года на низовую работу.

33 **Польская организация войскова** (ПОВ) — тайная военизированная организация, созданная в начале первой мировой войны по инициативе и ближайшем участии Ю.Пилсудского на территории Польши. Позже ее филиалы появились на территории Украины, Белоруссии и России, где члены ПОВ вели диверсионную работу в тылу русских войск. ПОВ занимала крайне враждебную позицию по отношению к революционному движению. Сыграла главную роль в утверждении диктатуры Пилсудского.

Пеовяк (повияк, поэвяк) — в документах НКВД середины 30-х годов означало принадлежность к ПОВ.

34 **В списке антисоветской профессуры**, взятом на учет Госполитуправлением Белоруссии по состоянию на 1 сентября 1922 г.,

значится Н.К.Ярошевич, 35-и лет, образование высшее, ученый агроном, ректор Белорусской сельскохозяйственной академии, правый эсер, бывший председатель Минского губернского земского управления, ведет эсеровскую работу среди студентов. В заключении сказано: "Подлежит высылке из пределов Белоруссии на Восток".

35 **Богуцкий В.А.** (1884-1937) — революционер, советский партийный и государственный деятель. Член Коммунистической партии с 1904 г.

Родился в м.Бураков (около Варшавы). В 1904 г. вступил в Социал-демократическую партию Королевства польского и Литвы (СДКПиЛ). Партийный псевдоним Шпак. За революционную деятельность 9 раз арестовывался, 4 года находился в тюрьмах. В 1910 г. эмигрировал в США, где из польских рабочих создал секцию СДКПиЛ. В 1921 г. возвратился в Россию. Участник первой мировой войны, Февральской революции. В 1918 г. основатель организаций Компартии Польши в Белостоке и Гродно. Возглавлял Гродненский комитет партии и Гродненский Совет. В 1919-1920 гг. член ЦК КП(б)ЛиБ, одновременно член его бюро по нелегальной работе. В 1922—1924 гг. секретарь Центрального бюро КП(б)Б, заместитель председателя СНК БССР, член президиума и заместитель секретаря Временного Белорусского бюро ЦК РКП(б). В 1924-1926 гг. представитель ЦК Компартии Польши в Исполкоме Коминтерна, кандидат в члены его президиума. С 1929 г. председатель ЦК профсоюза работников связи, председатель скандинавской секции исполкома Профинтерна.

Член ЦИК СССР в 1922—1924 гг. и его президиума в 1924 г., член ЦИК БССР в 1921—1924 гг. и его президума в 1922—1924 гг. Член ЦК Компартии Польши в 1925—1930 гг.

В 1937 г. арестован. Расстрелян. Реабилитирован и восстановлен (посмертно) в КПСС.

36 **Имеется в виду** государственный переворот, осуществленный 11-14 мая 1926 г. Ю.Пилсудским и верными ему войсками. С этого времени датируется начало нового периода в истории довоенной Польши — периода военно-буржуазной диктатуры Пилсудского (режим "санации").

37 **Голувко Т.** — начальник военного отдела Министерства иностран-ных дел Польши Считался специалистом по национальным вопросам.

38 **Прищепов Д.Ф.** (1896-1940) — государственный и общественный деятель БССР. Член Коммунистической партии с 1918 г. До этого левый эсер.

Родился в д.Колодница нынешнего Крупского района. Участник первой мировой и гражданской войн. В 1920-1923 гг. председатель Велижского

и Оршанского уездных исполкомов, заместитель председателя Витебского губисполкома. В 1924-1929 гг. нарком земледелия БССР, заместитель председателя Госплана БССР.

В сентябре 1929 г. исключен из КП(б)Б по обвинению в оппозиционной деятельности и систематическом искажении классовой линии в руководстве земельными органами. Арестован в июле 1930 г. Обвинялся в том, что помогал руководству СВБ в проведении контрреволюционных мероприятий. В марте 1931 г. осужден на 10 лет ИТЛ. Наказание отбывал на строительстве Беломорско-Балтийского канала и в Севвостлаге. Освобожден из лагеря в июне 1937 г. В августе 1937 г. снова арестован, в январе 1939 г. привезен в Минск и в ноябре 1939 г. приговорен к ВМН. Умер в минской тюремной больнице 31 января 1940 г. Реабилитирован в марте 1958 г. по второму и в июне 1988 г. по первому приговору. В 1989 г. восстановлен(посмертно) в КПСС.

39 **Войков П.Л.** (1888-1927) — советский государственный деятель, дипломат. Член Коммунистической партии с 1903 г.

В эмиграции учился в Женевском и Парижском университетах. В 1917 г. член Екатеринбургского совета, ВРК. В 1918 г. комиссар снабжения Уральской обл., в 1919 г. в Наркомпроде, Центросоюзе и Наркомвнешторге. С 1924 г. полпред СССР в Польше. Убит в Варшаве белогвардейцем.

40 **В письме** бывшего уполномоченного НКИД СССР при СНК БССР С.Л.Козюры в партколлегию ЦКК КП(б)Б, написанном в связи с запросом партколлегии ЦКК КП(б)Б (январь 1931 г.) о "группе Павлюкевича" указывается следующее: "В Польше дефензива создала "белорусскую группу" некоего Павлюкевича, который издавал даже свою газету и т.д. Эта группа, хотя и не пользовалась особым влиянием на белорусское население, все же использовалась польским правительством, которое, при случае, козыряло ею, как выявлением "воли белорусского народа".

41 **Бурсевич М.Т.** (1890-1941?) — участник национально-освободи-тельного движения в Западной Белоруссии. Кандидат в члены Коммунистической партии с 1931 г.

После присоединения к Польше западно-белорусских земель работал учителем в белорусской начальной школе, участвовал в белорусском национально-освободительном движении. В июне 1925 г. вошел в первый актив Белорусского посольского клуба в польском сейме. В июле 1926 г. кооптирован в состав ЦК БКРГ и избран его секретарем. Создавал местные комитеты БКРГ. В феврале 1927 г. арестован и заключен в

тюрьму. На судебном процессе 56-ти руководителей и активистов БКРГ (1928) приговорен к 8 годам тюремного заключения. В 1931 г. по обмену политзаключенными приехал в СССР и жил в Минске. Работал в финансово-хозяйственных органах, был членом президиума Госплана БССР.

Арестован в августе 1933 г. по "делу БНЦ". 30 августа 1933 г. показал следователям: "Контрреволюционная националистическая организация в БССР, членом которой я, Бурсевич, являлюсь, ставила своей задачей: свержение Советской власти при непосредственной вооруженной помощи Польши и организацию контрреволюционных сил внутри БССР с целью образования буржуазной Белорусской республики во главе с радой. Объединение под флагом буржуазной республики всех белорусских земель — Советской Белоруссии, Черниговщины, Смоленщины, Брянщины (путем отторжения их от Советского Союза) и Западной Белоруссии". В жалобах М.Т. Бурсевича, И.С. Дворчанина и других осужденных, поданных в 1934-1936 гг. в высшие государственные инстанции, указывается, что ни к каким контрреволюционных организациям они не принадлежали, антисоветской работы не проводили, что оговорили себя по причинам применения к ним незаконных методов ведения следствия. В январе 1934 г. Бурсевич , которого следователи "включили" в руководство БНЦ, был заключен на 10 лет в ИТЛ. Согласно БСЭ, умер в 1941 г. Реабилитирован в 1956 г. В 1989 г. подтверждено (посмертно) нахождение кандидатом в члены КПСС.

42 **Опанский И.К.** (1897-1927) — революционер, советский государственный деятель.

С 1924 г. зам.Полномочного представителя ОГПУ по Западному краю и одновременно, с 1926 г., начальник Белорусского отделения Главного таможенного управления СССР. Один из организаторов ликвидации эсеровского подполья на территории Белоруссии. Погиб в июне 1927 г. при исполнении служебных обязаностей.

43 **Витос Винценты** (1874-1945) —галицийский лидер, основатель и руководитель ПСЛ-"Пяст", премьер-министр Польши в 1920-1921, 1923 и 1926 гг.

Один из инициаторов объединения крестьянского движения путем создания в 1931 г. крестьянской партии Стронництво людове. В 1933—1939 гг. в эмиграции в Чехословакии, поддерживал связь со Стронництво людове и оказывал влияние на ее политику. В 1939 г. после возвращения

в Польшу арестовывался немцами. В 1945 г. избран в Крайову Раду Народову, однако из-за болезни не принял участия в ее работе.

ПСЛ-"Пяст" — партия, образовавшаяся в результате раскола в 1913 г. галицийской крестьянской Польской народной партии (ПСЛ) на более умеренную, тяготевшую к националистам — ПСЛ-"Пяст" (по названию печатного органа) и более радикальную — ПСЛ-"левица", близкую к ПСДП.

44 **Соболевский Ю.А.** (1889-1957) — деятель белорусского национально-освободительного движения. В годы Великой Отечественной войны коллаборационист.

Родился в г.Столбцы. По образованию землеустроитель. Сотрудничал в "Нашай ніве". В годы первой мировой войны в армии. После гражданской войны в Западной Белоруссии. В 1922-1928 гг. депутат польского сейма, член Посольского клуба, член ЦК БКРГ. В 1940 г. арестовывался советскими властями, однако тюремного заключения избежал.

Во время немецко-фашистской оккупации Белоруссии служил бургомистром в Столбцах (1941), Несвиже и Барановичах (1942-1943). В 1943 г. возглавил Белорусскую народную самопомощь (БНС), вошел в Белорусскую центральную раду (БЦР) в качестве второго вице-президента. Участвовал в коллаборационистском Всебелорусском конгрессе. После войны жил в Западной Германии, США, снова в Западной Германии. За участие в оппозиции к Р.К.Островскому отстранен от работы в БЦР.

45 **Постановление** ВЦИК о расформировании Гомельской губернии и передаче Речицкого и Гомельского уездов с г. Гомель в состав БССР принято 6 декабря 1926 г. Постановление о присоединении этих уездов к Белоруссии Президиум ЦИК БССР принял 8 декабря 1926 г.

46 **Криницкий А.И.** (1894-1937) — советский партийный и государственный деятель. Член Коммунистической партии с 1915 г.

С июля 1915 г. член Тверского комитета РСДРП. В 1915 г. осужден на вечное поселение в Сибирь. Освобожден Февральской революцией 1917 г. Делегат VII (Апрельской) конференции РСДРП. В годы гражданской войны на Южном фронте, секретарь Саратовского губкома РКП(б). В 1921-1924 гг. на партийной работе в Москве, Омске и Донецке. С сентября 1924 г. по май 1927 г. первый секретарь ЦК КП(б)Б. В 1927-1929 гг. зав.агитпропом ЦК ВКП(б), в 1929-1930 гг. секретарь Закавказского крайкома, зам.наркома РКИ СССР, зам.зав.сельхозотделом ЦК ВКП(б). В 1933 г. возглавил политуправление МТС Наркомзема СССР.

С 1934 г. секретарь Саратовского обкома ВКП(б). Арестован в июле 1937 г. В октябре 1937 г. осужден к ВМН. Расстрелян 30 октября 1937 г. Реабилитирован в марте 1956 г.

47 **Балицкий А.В.** (1891-1937) — государствпенный и общественый деятель БССР. Член Коммунистической партии с 1920 г.

Родился в д.Баличи Гродненского уезда. В 1910 г. окончил Свислочскую учительскую семинарию, в 1916 г. — Витебский учительский институт. В 1916-1917 гг. служил в царской армии, был на Румынском фронте, участвовал в гражданской войне. С 1921 г. в Минске. С 1922 г. заместитель, в 1916-1929 гг. нарком просвещения БССР. В 1919 г. член президиума БАН. Один из активных проводников политики белоруссизации 20-х годов.

Арестован в сентябре 1930 г. в связи с "делом СВБ". В марте 1931 г. осужден на 10 лет ИТЛ. В сентябре 1937 г. снова арестован и в октябре 1937 г. приговорен к ВМН по обвинению в контрреволюционной деятельности и шпионаже. Расстрелян 31 октября 1937 г. в Минске. Реабилитирован в марте 1958 г. по второму и в июне 1988 г. по первому приговору. В 1988 г. восстановлен (посмертно) в КПСС.

48 **Голодед Н.М.** (1894-1937) — партийный и государственный деятель БССР. Член Коммунистической партии с 1918 г.

Родился в с.Старый Кривец нынешнего Новозыбковского района Брянской обл. Был батраком, работал на шахтах в Кривом Роге, участвовал в революционном движении. В годы первой мировой войны вел большевистскую пропаганду в армии. После Февральской революции член солдатских комитетов на Юго-Западном фронте. Участник Октябрьской революции и гражданской войны. Работал в советах и ревкомах в Новозыбковском уезде. С 1921 г. председатель исполкома Горецкого Совета, возглавлял тройку по борьбе с бандитизмом, С февраля 1924 г. член Временного Белорусского бюро ЦК РКП(б), с декабря 1925 г. второй секретарь ЦК КП(б)Б. В 1927—1937 гг. председатель СНК БССР.

Кандидат в члены ЦК ВКП(б) с 1930 г., член ЦК КП(б)Б с 1924 г. и бюро ЦК КП(б)Б с декабря 1925 г. Член ЦИК СССР и БССР с 1924 г., президиума ЦИК БССР с 1927 г.

Арестован в Москве 14 июня 1937 г., доставлен в Минск. Покончил жизнь самоубийством 21 июня 1937 г., выбросившись из окна 5-го этажа здания НКВД, не дав никаких показаний. Обвинялся в том, что якобы являлся одним из руководителей объединенного антисоветского подполья

в БССР и будто бы работал на польскую разведку. Реабилитирован в феврале 1956 г., в марте того же года восстановлен (посмертно) в КПСС.

49 **Василевич И.А.** (1894-1937) — государственный и партийный деятель БССР. Член Коммунистической партии с 1918 г.

Родился в д.Будслав нынешнего Мядельского района. В 1917-1918 гг. председатель волисполкома, зам.комиссара по продовольствию Виленской губ. С февраля 1919 г. зам.наркома продовольствия Литовско-Белорусской ССР, затем в наркомате продовольствия УССР. С 1925 г. нарком внутренней торговли, с 1926 г. нарком финансов БССР. С сентября 1927 г. по октябрь 1930 г. второй секретарь ЦК КП(б)Б. Затем в органах Наркомзема СССР. С 1934 г. зав.сельхозотделом и член Дальневосточного крайкома ВКП(б).

Арестован в июне 1937 г. В ноябре 1937 г. приговорен к ВМН. Расстрелян 24 ноября 1937 г. Реабилитирован в феврале 1956 г. и восстановлен (посмертно) в апреле 1956 г. в КПСС.

50 **Некрашевич С.М.** (1883-1937) — деятель белорусского национально-государственного возрождения. Языковед. Академик БАН (1928).

Родился в д.Даниловка нынешнего Светлогорского района. В 1903 г. окончил Паневежскую учительскую семинарию, в 1913 г. Виленский учительский институт. В 1914-1918 гг. на военной службе. Член БСГ, позже в партии белорусских эсеров. В 1918-1920 гг. заведовал белорусской секцией при губернском отделе народного образования в Одессе. В 1920-1925 гг. зав.литературно-издательским отделом Наркомпроса БССР, председатель Научно-терминологической комиссии, председатель Института белорусской культуры. В 1927-1928 гг. председатель отделения гуманитарных наук ИБК. В 1929 г. вице-президент БАН, председатель Орфографической комиссии и Комиссии по созданию словаря живой народной речи. Разрабатывал теоретические основы и принципы создания диалектологических словарей белорусского языка, практические вопросы белорусского правописания.

Арестован в июле 1930 г. по "делу СВБ" Томским ГПУ по запросу ГПУ БССР на пароходе "Тобольск" во время экспедиции по р.Обь. Обвинялся в том, что являлся членом руководящего центра СВБ и выполнял контрреволюционные задачи, решаемые этим центром. В апреле 1931 г. выслан на 5 лет в г.Сарапул. Работал бухгалтером конторы "Заготзерно". Вновь арестован и в декабре 1937 г. приговорен к ВМН. Расстрелян 20 декабря 1937 г. в Минске. Реабилитирован в октябре 1957 г. по второму, в июне 1988 г. по первому приговору.

51 **Сенкевич А.А.** (1884-1938) — партийный и государственый деятель БССР. Член Коммунистической партии с 1919 г.

Родился в д.Николаевщина нынешнего Столбцовского района. В 1902 г. окончил Несвижскую учительскую семинарию и в 1913 г. медицинский факультет Мэрилендского университета (г.Балтимор, США). Работал учителем. Участник революционного движения в Белоруссии в 1905-1906 гг. Спасаясь от преследования, эмигрировал в США. С 1917 г. на Дальнем Востоке. Работал врачом, в советских и профсоюных организациях, участвовал в партизанском движении. Был зам. министра народного просвещения ДВР, комиссаром земледелия Хабаровского края. С 1921 г. в БССР: нарком здравоохранения, редактор журнала "Полымя", доцент БГУ. С 1928 г. ректор Комунистического университета Белоруссии, одновременно с 1929 г. зав.отделом ЦК КП(б)Б. С 1932 г. в Москве: начальник отдела подготовки кадров Всесоюзного радиокомитета.

Член ЦК КП(б)Б в 1927-1932 гг., кандидат в члены бюро с 1928 г., член бюро ЦК КП(б)Б в 1930-1931 гг. Избирался в состав ЦИК БССР.

Арестован в январе 1938 г., в июне 1938 г. осужден к ВМН. Расстрелян 29 июня 1938 г. в Минске. Реабилитирован в октябре 1956 г. В декабре 1988 г. восстановлен (посмертно) в КПСС.

52 **Стасевич Б.И.** (1895-1938) — партийный и государственный деятель БССР. Член Коммунистической партии с 1918 г.

Родился в г.Брест-Литовске. Участник гражданской войны. С осени 1921 г. зам.наркома внутренних дел БССР. В мае 1924 — октябре 1928 гг. секретарь Оршанского окружкома, зав.агитпропом ЦК КП(б)Б. С сентября 1929 г. в Москве, зав.балканской секцией Профинтерна.

Арестован и приговорен к ВМН в 1938 г. Расстрелян в Москве в декабре 1938 г. Реабилитирован в феврале 1956 г. Восстановлен (посмертно) в КПСС.

53 **Чернушевич А.А.** (1899-1938) — партийный и государственный деятель БССР. Член Коммунистической партии с 1920 г.

Родился в г.п.Копыль Минской обл. В годы гражданской войны участвовал в партизанском движении в Белоруссии, в борьбе с бандитизмом. С 1922 г. на партийной работе: секретарь Гресского РК КП(б)Б, зав.отделом в Бобруйском и Витебском окружных комитетах партии, в ЦК КП(б)Б. В 1932-1933 гг. секретарь Минского горкома КП(б)Б. С марта 1933 г. нарком просвещения БССР. Избирался в состав ЦК КП(б)Б, в 1931—1934 гг. член бюро, в 1935-1936 гг. кандидат в члены

бюро ЦК КП(б)Б. Член ЦИК БССР в 1931-1936 гг., президиума ЦИК БССР в 1935-1936 гг.

Арестован в июне 1937 г. по обвинению в принадлежности к объединенному антисоветскому подполью в БССР и контрреволюционно-шпионской деятельности. Расстрелян в июле 1938 г. Реабилитирован в 1956 г. Восстановлен (посмертно) в КПСС.

54 **Имеется в виду** открытое письмо Андрея Александровича, Алеся Дударя и Михася Зарецкого с протестом против пренебрежительного отношения к молодым белорусским писателям и формального проведения белорусизации в Белгосуниверситете, опубликованное 4 декабря 1928 г. в газете "Савецкая Беларусь". Объясняя секретарю ЦК КП(б)Б И.А.Василевичу, почему вопрос о письме не был согласован в ЦК КП(б)Б, тогдашний редактор газеты Михась Чарот ответил: "Если бы я пришел в ЦК согласовывать, то письмо не разрешили бы печатать". В день опубликования письма в газете "Савецкая Беларусь" секретариат ЦК КП(б)Б объявил М.Чароту строгий выговор с предупреждением, а расследование было передано ЦКК КП(б)Б.

В докладе председателя комиссии ЦКК ВКП(б) В.П.Затонского на заседании бюро ЦК КП(б)Б 27 июня 1929 г., подготовленном по итогам обследования практики нацработы в БССР, газета "Савецкая Беларусь" была названа "уютным прибежищем белорусских националистов", страницы которой предоставляются ее редактором для публикации "не только идеологически невыдержанных статей, но и прямо контрреволюционных писем". После доклада В.П.Затонского (его центральную часть занял раздел "Наблюдения и замечания из области национальной идеологии") и утвержденной бюро ЦК КП(б)Б для публикации редакционной статьи в газете "Звязда" от 29 июля 1929 г. под названием "О правом уклоне в КП(б)Б по национальному вопросу" начались кадровые перестановки, о которых далее говорится в протоколе допроса А.Ф.Улья-нова.

55 **Шипило И.И.,** директор Белгосиздата БССР, был подвергнут резкой критике за "небольшевистское отношение к крупным политическим ошибкам, имевшим место в деятельности издательства", и "нетвердость в борьбе против национал-демократизма" в резолюции бюро Минского окружкома КП(б)Б, принятой 2 февраля 1930 г. 5 февраля бюро ЦК КП(б)Б признало правильной оценку, данную БГИ и ее директору, и отметило необходимость "замены руководства издательства". Новый директор А.Я.Некрашевич решением бюро ЦК КП(б)Б был назначен в

марте 1930 г., в апреле проведена замена всего руководства Белгосиздата.

А.В.Балицкого в должности наркома просвещения БССР в сентябре 1929 г. сменил А.М.Платун, до этого — председатель Центрального правления профсоюза работников просвещения БССР, член ЦК КП(б)Б. На XII съезде КП(б)Б (5-16 февраля 1929 г.) А.М.Платун выступил сторонником жестоких мер по отношению к проявлениям национал-демократизма, которые были названы "хирургическими".

56 **Имеется в виду** XII съезд КП(б)Б, на котором широко обсуждались вопросы борьбы с великодержавным шовинизмом, местным белорусским и другими национализмами.

57 **Адамович А.Ф.** (1900-1937) — партийный и государственный деятель БССР. Член Коммунистической партии с 1919 г.

Родился в д.Васюльки нынешнего Мядельского района. Окончил начальное училище в Радошковичах (1915). В 1917-1919 гг. состоял в культурно-просветительской организации "Беларускі гай" и в БСГ, работал в Одессе при белорусском клубе и в белорусской секции губернского отдела народного образования. С 1920 г. на партийной работе в КП(б)Б: секретарь Дисненского уездного комитета партии, инструктор, зав.отделом Бобруйского уездного комитета, секретарь Калининского (г.Климовичи) и Полоцкого окружных комитетов, инструктор, зав.отделом печати ЦК КП(б)Б, редактор газеты "Беларуская вёска". В 1928-1929 гг. зам.наркома земледелия БССР. С 1925 г. кандидат в члены, с 1926 г. член ЦК КП(б)Б. Комиссией по генеральной чистке — проверке в сентябре 1929 г. исключен из КП(б)Б за идеологическую неустойчивость, примирен-ческое отношение к национал-демократизму, искривление классовой линии в земельной политике, бюрократизм. Одновременно снят с работы с должности зам.наркома земледелия. В связи с признанием ошибок и обещанием исправить их постановлением президиума ЦКК КП(б)Б от 19 ноября 1929 г. восстановлен в партии с объявлением строгого выговора с предупреждением и направлением на 2 года на низовую работу. В июле 1930 г. арестован ГПУ БССР по "делу СВБ". В марте 1931 г. осужден на 10 лет ИТЛ. В марте 1935 г. снова арестован в Беломорско-Балтийском ИТЛ, где отбывал наказание, и в июле 1935 г. спецколлегией Ленинградского областного суда осужден на 7 лет лагерей. В сентябре 1937 г. постановлением тройки НКВД Карельской АССР приговорен к ВМН. Расстрелян 15 сентября 1937 г. Реабилитирован по третьему и

второму приговорам в ноябре 1957 г., по первому — в июне 1988 г. В апреле 1989 г. восстановлен (посмертно) в КПСС.

58 **Д.Ф.Жилунович** освобожден от обязанностей редактора журнала "Полымя" за публикацию в № 5 за 1929 г. статьи "Дваццаць год назад. (Успаміны з мінулага)". В постановлении бюро ЦК КП(б)Б от 27 июня 1929 г. по этой статье указывалось на наличие в ней правых, противоположных взглядам КП(б)Б, националистических рассуждений о "нашенивском" периоде, доказывавших, будто Октябрьская революция является простым продолжением работы "Нашай нівы" и Белорусской социалистической громады. Этим постановлением отделу пропаганды, агитации и печати ЦК КП(б)Б поручалось опубликовать критический материал на публикацию Д.Ф.Жилуновича; совместно с Институтом истории партии и Октябрьской революции дать в печати марксистскую оценку национальному движению в Белоруссии, критическую оценку антимарксистским взглядам на национальное движение на территории республики в дооктябрьский период, имеющим хождение в БССР. Поручалось на страницах газеты "Звязда" и журнала "Бальшавік Беларусі" начать кампанию по разоблачению правого уклона в национальном вопросе, иллюстрируя высказываемые в публикуемых статьях положения примерами, в частности, политических ошибок Д.Ф.Жилуновича.

Последний, четвертый, пункт постановления гласил: "Зняць т.Жылуновіча з працы ў рэдакцыі чаопіса "Полымя", назначыўшы замест яго т.Ульянава, без змяшчэння прозвішча т.Ульянава ў ліку [членаў] рэдакцыі часопіса "Полымя"."

59 **Цвикевич А.И.** (1888-1937) — деятель белорусского национально-государственного возрождения.

Родился в г.Брест-Литовске. Окончил юридический факультет Петербургского университета в 1912 г. В годы первой мировой войны работал в Тульском комитете помощи беженцам. Один из основателей Белорусской народной громады в 1917 г. Участник Всебелорусского съезда. Министр иностранных дел в правительстве БНР. С 1923 г. премьер-министр БНР в Праге. Один из инициаторов проведения конференции в Берлине, которая 12 октября 1925 г. приняла решение о прекращении деятельности правительства БНР и признании Минска единым центром национально-государственного возрождения Белоруссии.

После конференции — в Минске. Работал консультантом в Наркомате финансов, затем секретарем ИБК. С 1929 г. в Институте истории БАН.

Издал в 1929 г. книгу "Западна-русізм: Нарысы з гісторыі грамадскай мысьлі на Беларусі ў XIX і пачатку XX ст.". Трехтысячный тираж книги был изъят и уничтожен.

Арестован в июле 1930 г. по "делу СВБ". В апреле 1931 г. сослан на 5 лет в Пермь. В 1935 г. срок ссылки продлен на 2 года. Вторично арестован в 1937 г., в декабре 1937 г. приговорен к ВМН. Расстрелян 30 декабря 1937 г. Минске. Реабилитирован по первому приговору в июне 1988 г., по второму — в мае 1989 г.

60 **"Беларуска-Расійскі слоўнік",** подготовленный членами Института белоруской культуры М.Байковым и С.Некрашевичем, вышел в Государственном издательстве Белоруссии в 1926 г. "Мэта гэтага "Беларуска-Расійскага слоўніка", — говорилось в предисловии к книге, — даць дапамогу пры чытанні сучасных беларускіх выданняў тым асобам, якія хаця і маюць або элементарна-тэарэтычнае, або практычнае знаёмства с жывой беларускай мовай, але яшчэ не зусім дакладна ўяўляюць сабе тое слоўнікавае багацце, якім уладае сучасная навукова-літаратурная мова ў параўнанні з мовай расійскай". В 1993 г. издательство "Народная асвета" выпустило факсимильное издание словаря.

61 **Мяделка П.В.** (1893-1974) — деятельница белорусской культуры. Заслуженный работник культуры БССР (1966).

Родилась в д.Будслав нынешнего Мядельского района. Окончила Виленскую женскую гимназию в 1912 г., общеобразовательные курсы в Петербурге в 1914 г. Одна из первых исполнительниц роли Павлинки в одноименной пьесе Я.Купалы (1913). В 1914-1920 гг. работала учительницей, затем в издательстве в Берлине, преподавала в Двинской белорусской гимназии. После возвращения в мае 1925 г. в Минск работала в Белгосиздательстве, с 1927 г. — в Горецкой сельхозакадемии.

П.В.Мяделка — двоюродная сестра секретаря ЦК КП(б)Б И.А.Василевича, ее брат С.В.Мяделка, о котором упоминается в протоколе допроса А.Ф.Ульянова, работал в Белгосиздательстве. Была замужем за лидером белорусских эсеров Томашем Грибом.

Арестована в июле 1930 г. в Москве, где находилась в командировке. Обвинялась в принадлежности к СВБ. В апреле 1931 г. сослана на 5 лет в Казань. Из ссылки возвратилась в Москву осенью 1933 г., работала здесь учительницей. С 1947 г. на родине, в д.Будслав. Учительствовала, вела культурную работу среди жителей деревни.

Реабилитирована в сентябре 1960 г.

Автор воспоминаний "Сцежкамі жыцця. Дзённікі" ("Полымя", 1993, №№ 2-5).

62 **Гриб Т.Т.** (1895-1938) — политический деятель белорусского национально-демократического возрождения.

Родился в д. Поляны Свенцянского уезда. Учился в Петрограде. Участник Всебелорусского съезда 1917 г. Один из авторов Уставных грамот БНР, провозглашенной 25 марта 1918 г. Входил в правительство БНР — Народный секретариат. Один из основателей в 1918 г. и лидеров партии белорусских социалистов-революционеров (БПС-Р). С 1921 г. в Праге. Принимал участие в деятельности эмигрантского правительства БНР.

63 **Столыпин П.А.** (1862-1911) — российский государственый деятель.

С апреля 1906 г. министр внутренних дел, с июня 1906 г. одновременно председатель Совета Министров России. Разогнал II Государственную думу (июнь 1907 г.); в 1907-1910 гг. проводил политику репрессий по подавлению революционного движения ("столыпинская реакция"). Один из инициаторов и исполнителей реформы крестьянского надельного землевладения в России, ставившей целью разрушение крестьянской общины и закрепление земель в личную собственость, создание хуторских хозяйств, переселение безземельных и малоземельных крестьян в Сибирь, другие районы России. Получила название — столыпинская аграрная реформа. Проводилась в 1906-1917 гг. В сентябре 1909 г. Столыпин был смертельно ранен агентом охранки в Киеве.

64 **Зарецкий Михась** (Косенков М.Е.) (1901-1937) — белорусский писатель. Член Коммунистической партии с 1925 г.

Родился в д.Высокий Городец нынешнего Толочинского района. Окончил Оршанское духовное училище. В 1920—1926 гг. политработник Красной Армии. Активно участвовал в обществено-полити-ческой жизни и литературных процессах 20-х годов. В первой половине 30-х годов работал в Институте литературы БАН. Автор романов, посвященных судьбам интеллигенции, коллективизации сельского хозяйства, а также повестей, пьес, очерков. М.Зарецкого называли "революционным романтиком", "красным бунтарем".

Арестован в ноябре 1936 г. В октябре 1937 г. осужден к ВМН. Расстрелян 29 октября 1937 г. Реабилитирован в декабре 1957 г.

65 **Речь идет** о стихотворении Я.Купалы "Сыходзіш, вёска, з яснай явы...", написанном в 1929 г. Отвечая на вопросы членов партколлегии ЦКК КП(б)Б в январе 1931 г., А.Ф.Ульянов говорил об этом стихотворении:

"Чаще я бывал у Купалы. На него старались влиять, заставить его писать, это имело политическое значение не только здесь, но и в Зап[адной] Белоруссии. Под моим влиянием он исправил стихотворение "Сыходзіш, вёска, з яснай явы".

* * *

(При подготовке комментария использованы: БелСЭ, тт.1-12; Их именами названы... Мн., 1987; Возвращенные имена. Сотрудники АН Белоруссии, пострадавшие в период сталинских репрессий. Мн., 1992; Михнюк У.М. Захоўваць вечна: справа № 20951-С.// Маладосць. 1992. № 6; Аляксандр Цвікевіч: "Ліквідацыя БНР не была манеўрам". "Візіт да Пілсудскага" // Маладосць. 1993, № 1; Апостол национального возрождения // Неман. 1955, № 1. Использовались также материалы Национального архива Республики Беларусь.

ПРИЕМЫ ФАЛЬСИФИКАЦИЙ

Внимательное прочтение протокола допроса А.Ф.Ульянова позволяет сделать вывод о том, что он — фальсификация, обычная для практики следователей ОГПУ — НКВД 30-х годов. Сегодня возможно воспроизвести картину того, как это делалось и во имя чего.

Арестованному и доставленному в тюрьму НКВД заключенному сразу предлагалось написать собственноручные объяснения в связи с его арестом (при условии , разумеется, что тот был грамотным человеком). Так поступали с журналистами, редакторами газет, партийными, хозяйственными и комсомольскими работниками, представителями интеллигенции. Арестованный был в шоке от только что случившегося и прекрасно осознавал, что может с ним произойти дальше, допусти он хоть какую-либо ошибку. Теперь представьте ситуацию, когда А.Ф.Ульянов возбужденно заявляет следователю о своей полной невиновности, о происшедшей чудовищной ошибке, о том, что он сам был секретным сотрудником НКВД, а в ответ слышит: "Вот и напишите поподробнее о всей вашей жизни в заявлении на имя народного комиссара внутренних дел БССР, назовите все ваши связи, а следствие во всем разберется". И человек, в данном конкретном случае, А.И. Ульянов, хватается за это предложение как утопающий за спасательный круг и излагает то, что успевает вспомнить за отведенное время.

После получения объяснений следователи, в производство которых поступали уголовные дела вновь арестованных (в ряде случаев это были вполне подготовленные люди, знавшие, чего от них добиваются сверху), уединялись в кабинетах и путем различных словесных манипуляций, текстовых подтасовок превращали

исповеди арестованных в протоколы их допросов. При этом для создания видимости беседы они формулировали вопросы и сами на них отвечали, используя информацию, сообщенную о себе обвиняемыми. В результате получалась видимость диалога следователя (в случае с А.Ф.Ульяновым — группы работников НКВД БССР) с арестованным. Так, в протокол допроса Ульянова были введены такие констатации и вопросы: "Это нам известно. И были вскоре освобождены?"; "Это нам также известно. Вы были освобождены пилсудчиком Воевудским. Это верно?"; "Расскажите об этом подробнее" и т.д.

В 1937-1938 гг. в следственной работе органов НКВД фальсификация протоколов допросов применялась очень широко. Мало того, что такие протоколы писались следователями в отсутствии допрашиваемых и обвиняемых, что протоколы не отвечали действительности и были явно провокационными. В них обязательно включались все известные связи арестованного, затем протоколы размножались на печатной машинке и передавались для ареста проходивших по протоколам лиц и "изобличения" вновь арестованных граждан. Можно задать вопрос: куда смотрели начальники этих следователей? Ответим: они корректировали фальсифицированные своими подчинен-ными протоколы и уже правленные отдавали их в печать.

Но вернемся к допросу А.Ф.Ульянова. Есть в протоколе и другие "хитрости", примененные следователями. Например, как создать "убедительность" и "правдоподобность" показаний допрашиваемого. Для этого время от времени вписывались в текст такие, как правило, весьма стандартные фразы, которые якобы прозвучали из его уст: "Должен сказать..."; "Хочу подробнее остановиться на..."; "Прежде, чем подробнее ответить на ваш вопрос, я должен сделать некоторое отступление"; "Однако, кроме этого дела, я имел и другие задачи"; "Затем я принял участие в проведении плана Пилсудского по разгрому Громады..."; "Когда я говорю об этом периоде, я вспоминаю еще один момент..." и т.д.

"Уши" следователей "торчат" не только в этих формулировках. Они и в терминологии, которая приписана допрашиваемо-му в его

ответах: "из националистических и эсеровских контр-революционных белорусских элементов...", "активнейшие националистические антисоветские деятели", "о необходимости форсировать работу по созданию кадров националистически настроенных учителей, способных воспитывать антисоветские кадры в широком масштабе", "антисоветские националистические кадры в среде писателей", "проводили разведывательную, подрывную и политическую работу пртив Советской власти", "контр-революционные разговоры", "террористы, шпионы и вредители", "массовая переброска шпионского элемента в Белоруссию". Так говорили в узком чекистском кругу, им принадлежит подобная лексика. Но и они, кстати сказать, в разговорах со своими негласными агентами во избежание расшифровки последних такие словосочетания старались не применять. Это, прежде всего, сугубо профессиональный язык того времени, на котором шло общение внутри стен УГБ НКВД БССР. Хотя, следует отметить, на страницы прессы, в выступления ораторов на собраниях он все же проникал.

Подчеркнем еще один немаловажный, но малоизвестный факт — использование следователями (опять сугубо профессиональная в органах НКВД терминология) т.н. "образцовых типовых протоколов". Такие протоколы, как шаблон, имелись в каждом следственном подразделении УГБ НКВД. Они раздавались следователям и использовались ими в качестве образца для составления протоколов допросов обвиняемых. Именно так написан и протокол допроса А.Ф.Ульянова.

Возникают вопросы: Как удалось добиться "признаний" А.Ф.Ульянова о его причастности к польской разведке? Применялись ли к нему угрозы расстрела, ареста близких? Использовались ли методы физического воздействия? Думаем, что нет. Представляется, что с момента ареста с А.Ф.Ульяновым был установлен психологический контакт, который позволял поддерживать между ним и следователями на протяжении всего периода его пребывания в Минской тюрьме доверительные отношения.

Подписал ли А.Ф.Ульянов оригинал протокола своего допроса? Скорее всего, подписал. Не сомневаемся мы и в том, что он читал

его. Хотя следователям не было надобности знакомить арестованного с таким документом, им ни к чему были возмущения, обмороки, обвинения в фальсификации. Судьба допрашиваемого была заранее предрешена, следователи нисколько не сомневались в том, что пройдет он по "первой категории" (расстрел). Из собственной практики они знали, что даже если и откажется обвиняемый от "показаний" (отказы в делах не отражались), то он все равно будет расстрелян, а протоколы его допросов неизбежно послужат для осуждения других.

Так и произошло. Протокол допроса А.Ф.Ульянова был размножен в 10 экземплрах. Один такой экземпляр направлен в Саратов, где местные сотрудники УГБ УНКВД 20 августа 1937г. арестовали В.У.Ластовского.

Действия их после ареста Ластовского были типичны для всего НКВД: на основе собственноручных биографических заметок арестованного, написанных им по предложению следователей, в 4-ом отделе УГБ УНКВД Саратовской обл. составили фальсифицированный протокол допроса от 7 октября 1937 г. (впервые опубликован В.Н.Михнюком: Справа Вацлава Ластоўскага// Маладосць. 1993. № 9. С.211-246/.

Здесь и пригодился протокол допроса А.Ф.Ульянова. Дальше мы приводим выдержки из "Протокола допроса Ластовского Вацлава Устиновича от 7 октября 1937 года", а читатель сам определит процесс фальсификации (цитируются по оригиналу):

"ВОПРОС: Кто из активных участников вашей организации поддерживал непосредственный контакт с польским правительством и разведывательными кругами и через кого персонально [?].

ОТВЕТ: По этому вопросу я хочу внести некоторую ясность. По условиям конспирации, во избежание провала, нельзя было допускать для связи с польскими кругами большое количество участников организации. Поэтому связь с разведывательными органами Польши осуществлялась ИГНАТОВСКИМ и УЛЬЯНОВЫМ, как лицами, имеющими по своему служебному положению доступ к официальным

учреждениям Польши. Наша связь с Польшей проводилась через польского консула в г.Минске.

ВОПРОС: Откуда это вам известно [?]

ОТВЕТ: Это мне известно, как одному из руководителей организации, тем более что на эту тему я имел неоднократно беседы как с УЛЬЯНОВЫМ, так и с ИГНАТОВСКИМ.

ВОПРОС: Какая информация передавалась УЛЬЯНОВЫМ и ИГНАТОВСКИМ в польское консульство в г.Минске [?]

ОТВЕТ: Как ИГНАТОВСКИЙ, так и УЛЬЯНОВ информировали польского посла ***по наиболее актуальным политическим и хозяйственным вопросам БССР****. Кроме того, они его информировали о политическом настроении населения БССР и о результатах нашей нацдемовской работы. В период коллективизации информация ИГНАТОВСКОГО и УЛЬЯНОВА была направена к тому, чтобы побудить капиталистическое государство активно выступить против СССР.*

Считаю нужным сообщить следующий факт: когда в результате коллективизации и ликвидации кулачества ИГНАТОВСКИЙ поставил вопрос перед польским консулом об оказании активной помощи раскулаченным, то последний ему заявил следующее: "Польское правительство дало распоряжение об открытии границы для бегущих из БССР кулаков и приняло все меры к тому, чтобы дать возможность беженцам устроиться в Польше".

ВОПРОС: Лично вы информировали польского консула в гор.Минске [?]

ОТВЕТ: Нет, я лично с польским консулом не встречался, так как в этом не было необходимости. Руководство нашей организации давало поручения ИГНАТОВСКОМУ, который вместе с УЛЬЯНОВЫМ посещал польского консула (в одно время — почти ежедневно), информировать последнего по всем интересующим нас вопросам. После каждого такого посещения консула ИГНАТОВСКИЙ приходил к нам (руководителям

организации) и, в свою очередь, сообщал о результатах его информации консулу, а так же и о том, что последний передавал ему для нас.

<u>ВОПРОС</u>: Хорошо, к этому вопросу мы вернемся ниже.[...]".

Архив Управления ФСК РФ по Саратовской обл. Д.№ 0Ф-15302. Л.18-20.

И в данном случае мы утверждаем: несмотря на наличие на каждом листе подписи В.У.Ластовского, подобной информации саратовским следователям он не сообщал. Тем не менее, зафиксированная в обоих протоколах допроса "преступная деятельность" легла в качестве доказательства в Обвинительное заключение по делу В.У.Ластовского. В подтверждение приведем выдержки из этого заключения:

"... Кроме того, участники организации проводили большую разведывательную работу в пользу Польши. Вся работа нацдемовской организации руководилась польской разведкой через польского консула (г.Минск), связь с которым систематически осуществлялась ИГНАТОВСКИМ и УЛЬЯНОВЫМ.

Наиболее интенсивную деятельность нацдемовская организация развила в первый год коллективизации и ликвидации кулачества, как класса. Так как раскулачиванием были затронуты в основном созданные организацией кулацко-повстанческие кадры, то руководящий центр организации в целях сохранения этих кадров поставил перед Польшей вопрос об открытии границы для массового бегства за кордон репрессированных кулаков. Через польского консула руководящему центру организации было сообщено, что польское правительство дало указание об открытии границы и о создании необходимых условий для устройства в Польше кулакам-беженцам [...]

Виновным в вышеизложенных преступлениях ЛАСТОВСКИЙ себя не признал; кроме того, он изобличается также показаниями б[ывшего] активного участника нацдемовской организации УЛЬЯНОВА Александра Федоровича. [...]".

Архив Управления ФСК РФ по Саратовской обл. Там же. Л.58-59.

Как мы отмечали, Александр Федорович Ульянов был осужден 26 ноября 1937 г. Военной Коллегией Верховного Суда СССР к ВМН по ст.58-1 УК РСФСР и расстрелян в г.Москве. 23 января 1938 г., также по приговору ВК ВС СССР, в г.Са-ратове был осужден и расстрелян В.У.Ластовский.

Так фабриковались и фальсифицировались "протоколы допросов" и таковы их печальные итоги.

В заключение назовем сфабрикованные органами ОГПУ-НКВД в 30-е годы наиболее крупные "политические дела", для "обоснования" которых фальсифицировалось огромное количество протоколов допросов арестованных по обвинению в контрреволюционной деятельности.

Классическим примером провокации, проведенной в масштабах всей БССР, может служить т.наз. "дело СВБ" — "Саюза вызвалення Беларусі" (1929-1931 гг.) — подпольной контрреволюционной организации, которая будто бы имела целью свержение вооруженным путем, при поддержке иностранной военной интервенции, Советской власти и реставрацию в БССР буржуазных порядков. За тюремную решетку тогда попало 108 известных белорусских ученых, литераторов, работников просвещения. 86 человек из них были осуждены на различные сроки высылки за пределы БССР, 4 работника высокого ранга из государственного аппарата (3 избирались в состав ЦК КП(б)Б) — к 10 годам ИТЛ. В июле 1989 г. КГБ БССР на запрос об СВБ тогдашнего Института истории партии при ЦК КПБ о "деле СВБ" ответил: "Тщательным изучением архивных материалов не выявлено каких-либо документальных данных, свидетельствующих о достоверности

существования Союза освобождения Белоруссии (Саюза вызвалення Беларусі)".

Следующим было сфабрикованное с еще большим размахом и широкой географией охвата (от Минска до райцентров и сел) "дело БНЦ" — "Белорусского национального центра" (1933-1934 гг.). Иначе — контрреволюционной повстанческой шпионско-диверсионной организации, которая якобы ставила те же цели, что и СВБ, но состояла преимущественно из прибывших в Белоруссию из Польши политических эмигрантов. В прошлом они пользовались репутацией революционных борцов, узников польских тюрем, а на деле оказались, как гласила версия ГПУ БССР, польскими шпионами, специально переброшенными в республику для подрывной контрреволюционной деятельности. По "делу БНЦ" осудили на длительные сроки заключения в ИТЛ и к другим видам наказания 97 человек. Все они на протяжении 50-х годов были реабилитированы в связи с отсутствием в их действиях состава преступления.

Выше мы назвали количество осужденных по "делу" т.наз. антисоветского подполья в БССР, возглавлявшегося будто бы высшими партийными и государственными руководителями республики, — 2570 человек. Эта цифра приводится в справке УГБ НКВД БССР "Итоги разгрома антисоветского подполья в БССР (по материалам следствия 1937-1938 годов), подписанной 1 июня 1938 г. начальником 4-го отдела УГБ НКВД БССР В.А. Ермолаевым и посланной в ЦК КП(б)Б для использования ее материалов при подготвке Отчетного доклада ЦК XVII съезду партии. Исходя из тогдашней практики работы НКВД в 1937-1938 гг. можно с уверенностью заявить, что всех арестованных осудили к ВМН.

Протокол допроса А.Ф.Ульянова — пример того, как в 1937 г. под "дело" об антисоветском подполье в БССР подводилась "историческая фактологическая база".

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ОБВИНЯЕМОГО СЕНКЕВИЧА АЛЕКСАНДРА АНТОНОВИЧА ОТ 21 ФЕВРАЛЯ 1938 ГОДА

СЕНКЕВИЧ А.А., 1884 года рождения, ур[оженец] села Никольска [Николаевщина.— *Авт.*] бывш[ей] Минской губернии и уезда, ныне Польша, состоял членом ВКП(б) с 1919 по 1937 г., исключен в 1937 г. в Москве; до ареста работал во Всесоюзном радиокомитете начальником отдела кадров

ВОПРОС: 9 января 1938 года вы арестованы в Москве и доставлены в НКВД БССР. На допросе вы заявили, что являетесь участником национал-фашистской организации, о чем написали собственноручные показания.

Вы их подтверждаете [?]

ОТВЕТ: Да, подтверждаю.

ВОПРОС: Прежде чем допрашивать вас о вашей антисоветской работе как участника организации, вы потрудитесь изложить нам: когда и как вы стали на путь борьбы с Советской властью.

ОТВЕТ: В 1925 году ЦК КП(б)Б я был направлен в Москву в качестве заведующего Белорусским сектором КУНМЗ'а. Первые 6 месяцев я жил в Белорусском представительстве вместе с Михасем ЧАРОТОМ. В разговорах с ЧАРОТОМ мы часто говорили о белорусских делах и о неправильной национальной политике в отношении Белоруссии.

ВОПРОС:Кто был инициатором этих разговоров [?]

ОТВЕТ: Чарот, как и я, оба были враждебно настроены к Коммунистической партии и Советской власти, поэтому трудно определить, кто был первым, мы оба были первыми. В процессе этих разговоров я окончательно определился как враг Советской власти и

Коммунистической партии, что и подготовило меня для вступления в национал-фашистскую организацию.

ВОПРОС: Когда и кем вы были завербованы в организацию [?]

ОТВЕТ: Я был завербован в организацию в июле месяце 1926 года ХАЦКЕВИЧЕМ, который часто наезжал в Москву и останавливался в Белорусском представительстве.

Еще до этого, когда в Белорусское представительство приезжали ИГНАТОВСКИЙ и ХАЦКЕВИЧ, я с ними вел разговоры о моих контрреволюционных настроениях и уже был готов для активной работы в национал-фашистской организации.

ВОПРОС: Кем тогда работал ХАЦКЕВИЧ [?]

ОТВЕТ: Если не ошибаюсь, секретарем ЦИК БССР.

ВОПРОС: Где состоялась вербовка [?]

ОТВЕТ: Вербовка состоялась в здании Белорусского представительства в Москве.

ВОПРОС: Кто присутствовал при вербовке вас [?]

ОТВЕТ: Мы были наедине.

ВОПРОС: Что вам сказал ХАЦКЕВИЧ в момент вербовки [?]

ОТВЕТ: ХАЦКЕВИЧ, будучи в постпредстве в Москве, в момент вербовки меня сказал мне, что в БССР существует национал-фашистская организация, которая ставит своей целью отторжение Советской Белоруссии от Советского Союза, объединение ее с Западной Белоруссией и создание буржуазного государства. Так как это отвечало моим политическим взглядам, я дал согласие ХАЦКЕВИЧУ на участие в этой организации.

Помню хорошо, что вся беседа с ХАЦКЕВИЧЕМ протекала в злобной клевете на мероприятия партии и Советской власти, в особенности по белорусским делам. ХАЦКЕВИЧ мне тогда заявил, что значительную часть территории БССР отдали РСФСР и осталось только шесть уездов бывш[ей] Минской губернии, что и составляет теперь Белорусскую республику. В этом плане шли все разговоры.

ВОПРОС: Вам ХАЦКЕВИЧ сказал, с каким иностранным государством связана ваша организация [?].

ОТВЕТ: ХАЦКЕВИЧ мне сказал, что национал-фашистская организация связана с Польшей.

ВОПРОС: Точнее [!].

ОТВЕТ: ХАЦКЕВИЧ сказал, что наша национал-фашистская организация работает непосредственно по заданию 2-го отдела польского генерального штаба, и все директивы по работе поступают из Польши.

ВОПРОС: Через кого организация получала директивы, вам ХАЦКЕВИЧ сказал [?].

ОТВЕТ: В момент вербовки этого он мне не сказал.

ВОПРОС: Задания вы получали от многих.

ОТВЕТ: ХАЦКЕВИЧ мне предложил оставить работу в Москве и переехать в Минск, для того чтобы включиться в более активную антисоветскую работу.

ВОПРОС: Он высказал свое мнение или организации [?].

ОТВЕТ: Он высказал решение организации.

ВОПРОС: Кто возглавлял тогда в Белоруссии национал-фашистскую организацию [?]

ОТВЕТ: В руководящий центр национал-фашистской организации тогда входили — ЧЕРВЯКОВ, ИГНАТОВСКИЙ, ХАЦКЕВИЧ, АДАМОВИЧ ИОСИФ, АДАМОВИЧ АЛЕСЬ, НЕКРАШЕВИЧ и ЛЕСИК.

ВОПРОС: Откуда это вам известно [?]

ОТВЕТ: Об этом мне сказал ХАЦКЕВИЧ.

ВОПРОС: Предложение ХАЦКЕВИЧА о переводе в Минск вы приняли [?].

ОТВЕТ: Да, принял.

ВОПРОС: Когда вы переехали в Минск [?]

ОТВЕТ: Месяца через три после моей вербовки.

ВОПРОС: В каком году это было [?]

ОТВЕТ: В конце 1926 г.

ВОПРОС: На какую работу вы прибыли в гор.Минск [?].

ОТВЕТ: Я был назначен зав[едующим] отделом печати ЦК КП(б)Б.

ВОПРОС: А кто был секретарем ЦК [?]

ОТВЕТ: Александр Криницкий.

[...]

ВОПРОС: С чего началась ваша антисоветская деятельность в Минске [?].

ОТВЕТ: Моя антисоветская деятельность после приезда из Москвы на должность заведующего отделом печати ЦК началась с того, что Игнатовский мне дал задание подобрать надежных людей из числа участников нашей организации, расставить их на руководящие посты в печатных органах и литературных организациях и через этих людей в газетах, журналах и литературе проводить антисоветскую работу.

ВОПРОС: Кого вы подобрали из участников организации на руководящие посты и по чьей рекомендации [?]

ОТВЕТ: Белорусских условий я тогда не знал. Участники организации мне также не были известны. В связи с этим я был вынужден обратиться за практической помощью к Игнатовскому, который мне в своем служебном кабинете (Наркомпрос) сказал, что писатели КУДЕЛЬКО-ЧАРОТ, ЖИЛУНОВИЧ, АЛЕКСАНДРОВИЧ АНДРЕЙ, КОСЕНКОВ-ЗАРЕЦКИЙ являются участниками национал-фашистской организации и их нужно использовать для антисоветской работы, назначив на руководящие должности в печатные и литературные органы.

Исходя из такого указания, я ЧАРОТА назначил редактором газеты "Савецкая Беларусь" и в редакционную коллегию журнала "Маладняк" ввел ЧАРОТА, ЗАРЕЦКОГО, АЛЕКСАНДРОВИЧА; представителем Белгиза назначил ЖИЛУНОВИЧА; в редакцию журнала "Полымя" были назначены ЖИЛУНОВИЧ, ЗАРЕЦКИЙ, входил и я — СЕНКЕВИЧ.

[...] Никаких возражений со стороны АЛЕКСАНДРОВИЧА, ЖИЛУНОВИЧА, ЗАРЕЦКОГО и ЧАРОТА я не встретил, мое предложение, что необходимо сейчас заняться антисоветской работой на литературном фронте, они приняли; вскоре после этого включились в антисоветскую работу.

ВОПРОС: Где и когда вы впервые встретились в АЛЕКСАНДРОВИЧЕМ ?

ОТВЕТ: С АЛЕКСАНДРОВИЧЕМ впервые я встретился в 1924 году, когда он являлся студентом белорусского педтехникума, а я

преподавателем истории революционного движения, но тогда он мне как участник антисоветской организации известен не был.

В 1927 г., как я указал, ИГНАТОВСКИЙ назвал мне участником организации АЛЕКСАНДРОВИЧА АНДРЕЯ. В связи с этим я его вызвал в ЦК КП(б)Б, в свой служебный кабинет, и заявил ему, что он мне известен как один из активных участников национал-фашистской организации, и предложил ему заняться контрреволюционной работой на литературном фронте.

Мое предложение АЛЕКСАНДРОВИЧ принял.

ВОПРОС: Теперь расскажите о формах антисоветской работы, которую вы проводили на литературном фронте БССР.

ОТВЕТ: Прежде чем говорить о формах антисоветской работы, которую я проводил, я хочу рассказать, откуда эти формы были восприняты в Белоруссии.

В 1927 г. ИГНАТОВСКИЙ меня ориентировал, что такая же национал-фашистская организация, как в БССР, существует на Украине и руководит [ею] Наркомпрос СКРИПНИК. В связи с этим мы решили, что я должен поехать на Украину - [в] Харьков и через зам[естителя] Наркомпроса, участника организации ГИРЧАК ознакомиться с формами антисоветской работы среди литературной организации Украины.

В июле или августе 1927 г. я приехал в Харьков. Имел встречи с ГИРЧАКОМ и рядом националистически настроенных писателей — участников нацфашистской организации ХВИЛЕВЫМ, ДОСВИТНЫМ, ИЛОВЫМ, которые мне рассказали о формах антисоветской работы на литературном фронте.

[...]

ВОПРОС: Чему же вы научились у украинских национал-фашистов [?].

ОТВЕТ: В БССР существовала одна литературная организация "Маладняк". Среди писателей были беспартийные , коммунисты и комсомольцы.

Перенеся опыт контрреволюционной работы среди писательской организации Украины в Белоруссию, я решил создать вместо одной организации — три организации, сосредоточив всех коммунистов,

комсомольцев и близких к ним в "Маладняке", с тем чтобы в двух других, которыми являлись "Узвышша" и "Полымя", не могло быть коммунистического влияния. В самом "Маладняке" я поручил АЛЕКСАНДРОВИЧУ и ЗАРЕЦКОМУ вести антисоветскую разложенческую работу.

ВОПРОС: О "литературных" делах пока хватит. Начнем с вашей практической контрреволюционной работы, которую вы проводили по заданию поляков в БССР.

ОТВЕТ: Выполняя основную установку польского правительства и 2-го отдела польгенштаба, имевшую цель создать из Белоруссии свою польколонию, национал-фашистская организация и ее участ-ники в своей работе стремились всячески задерживать промышленное развитие БССР, приспособив экономику БССР к условияим Польши. В сельском же хозяйстве был взят курс на восстановление, усиление и укрепление кулацких элементов в деревне. С этой целью было решено продолжить политику хуторизации сельского хозяйства, для чего мы выработали ряд мероприятий, обеспечивающих проведение столыпинской программы в белорусской деревне.

Для того, чтобы прикрыть свою преступную деятельность при создании кулацких хозяйств, они были названы "культурными хозяйствами". В отношении этих "культурных хозяйств" велась политика помощи им, субсидирования средствами, инвентарем и рядом других агрономических мероприятий. Таким хозяйствам "культур-ным" мы выдавали специальные охранные грамоты, чтобы защищать их от коммунистов.

ВОПРОС: Кто руководил этим делом [?].

ОТВЕТ: Этим участком руководил член центра национал-фашистской организации ПРИЩЕПОВ.

ВОПРОС: В период колллективизации сельского хозяйства в 1930 г. вы были в Белоруссии [?]

ОТВЕТ: Да.

ВОПРОС: Какую антисоветскую работу в этот период проводила ваша организация [?]

ОТВЕТ: В период коллективизации национал-фашистская организация поставила своей целью сорвать коллективизацию. Для

этого было принято решение загнать крестьян в колхозы насильственным путем, всячески толкая и поощряя людей на так называемые "перегибы".

С этой целью поощрялись такие вещи, в частности, 2-м секретарем ЦК Василевичем, как заключение договоров на социалистическое соревнование между отдельными округами и районами о том, кто больше за данный период загонит крестьян-единоличников в колхозы. Такой соцдоговор был заключен между Витебским и Могилевским округами. Как результат этого, в Городокском районе Витебского округа, секретарем окружкома которого был АРОНШТАМ, где я был уполномоченным ЦК по Городокскому району, путем насильственных мероприятий было вовлечено в колхозы 100 % [крестьян] в очень короткий срок. После известного письма ЦК ВКП(б) [и статьи И.В.Сталина. — *Авт.*] "Головокружение от успехов" в Городокском районе от 100 % осталось только 4 %.

[...]

С целью вызова массового недовольства трудящихся крестьян наша организация приняла меры к тому, чтобы под видом раскулачивания действительных кулаков расскулачивать и середняков.

ВОПРОС: Кто из участников оранизации принял в этой работе участие? Какое? В чем оно выражалось ?

ОТВЕТ: В этой работе принимали участие члены антисоветской организации: ВАСИЛЕВИЧ — бывш[ий] секретарь ЦК КП(б)Б, ЧЕРНУШЕВИЧ — бывш[ий] зав[едующий] орготделом Витебского окружкома КП(б)Б, РАЧИЦКИЙ — бывш[ий] Наркозем БССР, МИТЬКОВ — бывш[ий] работник ЦК КП(б)Б.

Указанными лицами давались установки местам о насильственном вовлечении крестьян в колхозы с целью срыва коллективизации.

ВОПРОС: До какого года вы работали в Белоруссии [?].

ОТВЕТ: До ноября 1931 г., а затем уехал в Москву.

ВОПРОС: С кем вы были связаны по антисоветской работе в Москве [?].

ОТВЕТ: В Москве я был связан по антисоветской работе с УЛЬЯНОВЫМ Александром Федоровичем, ЖЕБРОВСКИМ — бывш[им] секретарем ЦК КП(б)Б, МАКСИМОВСКИМ-РОЗЕНШТЕЙНОМ — бывш[им] секретарем ЦК КПЗБ и БУДИНСКИМ — работником газеты "Трибуна Радзецка".

ВОПРОС: А с Белоруссией вы поддерживали связь [?].

ОТВЕТ: С Белоруссией я поддерживал связь через ЛАСТОВСКОГО.

ВОПРОС: Кто такой ЛАСТОВСКИЙ [?]

ОТВЕТ: ЛАСТОВСКИЙ был постпредом Белоруссии в Москве.

[...]

ВОПРОС: Кем вы были завербованы для шпионской работы [?]

ОТВЕТ: Для шпионской работы я был завербован УЛЬЯНОВЫМ Александром, в 1932 г. в Москве.

ВОПРОС: Расскажите подробно как это произошло.

ОТВЕТ: УЛЬЯНОВА я знал как участника национал-фашистской организации. Кроме того, мне было известно, что он, как работник Наркоминдела, выполнял поручения организации по связи с поляками. И вот в 1932 г. летом, кажется, в июле месяце, УЛЬЯНОВ меня и ШИПИЛО пригласил приехать к нему на дачу. На машине УЛЬЯНОВА мы втроем поехали на дачу, которая была по Казанской дороге, точного места не помню.

После обеда, когда я с УЛЬЯНОВЫМ остался наедине, он мне сказал: "Оба мы являемся участниками организации, и ты должен мне давать материалы для поляков", напомнив при этом, что у меня к этому имеются все возможности. В то время я работал директором Института коммунальной санитарии.

ВОПРОС: И вы, конечно, легко согласились стать шпионом [?]

ОТВЕТ: Наша организация по своей природе является фашистской, и мне, как участнику организации, нечего было терять, так или иначе, я стоял на позициях реставрации капитализма, поэтому считал необходимым оказывать помощь польской разведке. Вот поэтому я так легко согласился передавать материалы УЛЬЯНОВУ для поляков.

ВОПРОС: ШИПИЛО также участник организации [?].

ОТВЕТ: Да, да. ШИПИЛО участник организации.

ВОПРОС: Откуда вы знаете [?]

ОТВЕТ: ШИПИЛО мне сказал, что является участником национал-фашистской организации и в нее завербован бывш[им] секретарем ЦК КП(б)Б, участником организации ВАСИЛЕВИЧЕМ.

ВОПРОС: Где сейчас ШИПИЛО [?].

ОТВЕТ: ШИПИЛО сейчас живет в Москве, по Петровской линии, 3-й подъезд, 3-й этаж. Он инвалид.

ВОПРОС: Зачем нужен инвалид в организации [?]

ОТВЕТ: В то время ШИПИЛО инвалидом не был.

[...]

ВОПРОС: Что же конкретно о работе организации и ее участников вы за это время передали [?].

ОТВЕТ: ГОРИН И КАРП являлись активными участниками контрреволюционной организации. КАРП, работая зам[естителем] наркома финансов, давал установки местам об увеличении финансового обложения единоличников и колхозников. Такие же установки он передавал ГОЛОДЕДУ через меня и ЛАСТОВСКОГО.

Участник контрреволюционной организации ГОРИН-КОЛЯДА давал установку о срыве геологических разведок (например, разведки несгораемой глины и мела), скрывая места, богатые ископаемыми, а тратя время и средства на бедные содержанием недра.

Эти установки мною передавались ЛАСТОВСКОМУ, который, в свою очередь, позже информировал меня, что передано руководителю контреволюционной организации в БССР председателю СНК БССР ГОЛОДЕДУ и проводится в жизнь, о чем я, в свою очередь, информировал КАРПА и ГОРИНА.

ВОПРОС: Вы назвали далеко не полностью всех участников организации. Перечислите всех участников организации и укажите известную вам антисоветскую деятельность каждого.

ОТВЕТ: Всех известных мне участников оргниазции я скрывать не собираюсь и следствию всех выдам.

В национал-фашистскую, а затем в объединенную организацию правых и троцкистов в Белоруссии, входили:

ГОЛОДЕД Н.М. — возглавлял антисоветскую организацию правых. О его принадлежности к правым и о его роли, как руководителя правых, мне известно из бесед с ЛАСТОВСКИМ, бывшим постпредом БССР в Москве. Я знал о контрреволюционном выступлении ГОЛОДЕДА на конференции Гомельской парторганизации в 1930 г., когда он открыто выступил против мер политики Советской власти. Голодед в практической работе проводил антисоветскую правооппортунистическую политику в области сельского хозяйства, промышленности и других областях социалистического строительства.

ВОЛКОВИЧ — б[ывший] председатель Совнаркома БССР. О его принадлежности к организации правых я знаю из беседы с ЛАСТОВСКИМ. В своей партийной и советской работе ВОЛКОВИЧ проводил в жизнь правую политику, сохранял в партии многих участников организации и просто антисоветчиков.

КУДЕЛЬКО — б[ывший] нарком финансов БССР. О его принадлежности к контрреволюционной организации правых я знаю из беседы с ЛАСТОВСКИМ. Лично знаю КУДЕЛЬКО по работе в Жлобинском районе.

ЧЕРНУШЕВИЧ — б[вший] наркомпрос БССР. Знаю его, как участника контрреволюционной организации правых, по совместной антисоветской работе, а также из бесед с ЛАСТОВСКИМ.

БАЛТИН — б[ывший] зам[еститель] пред[седателя] Совнаркома БССР, а затем наркомместпром БССР. Лично знаю его по антисоветским выступлениям на бюро ЦК КП(б)Б, был близок к ГОЛОДЕДУ. О его принадлежности к контрреволюционной организации знаю из личных бесед с ним и от ЛАСТОВСКОГО.

РАЧИЦКИЙ — б[ывший] наркомзем БССР. Один из активных участников организации правых. В своей практической работе в наркомземе проводил прищеповскую политику по насаждению кулацких хозяйств в в БССР. В период массовой коллективизации издавал вредительские циркуляры, направленные на срыв коллективизации.

АМБРАЖУНАС — б[ывший] нарком коммунального хозяйства БССР, активный участник контрреволюционной организации

правых. Лично знаю по совместной контрреволюционной работе, когда он работал председателем Оршанского, потом Гомельского окрисполкомов.

ВОРОНЧЕНКО — б[ывший] зам[еститель] наркомпроса БССР [нарком. — *Авт.*], о его принадлежности к организации мне известно от ЛАСТОВСКОГО, УЛЬЯНОВА и ряда других.

НАЦИОНАЛ-ФАШИСТЫ

ЧЕРВЯКОВ А.Г. — б[ывший] председатель ЦИК БССР, знаю его как организатора и руководителя фашистской организации в БССР. В течение ряда лет я вместе с ЧЕРВЯКОВЫМ проводили в Белоруссии активную националистическую работу.

ИГНАТОВСКИЙ — б[ывший] президент Академии наук, член центра национал-фашистской организации, через него контрреволюционная организация имела связь с польским правительством.

ВАСИЛЕВИЧ — б[ывший] секретарь ЦК КП(б)Б. О его принадлежности к контрреволюционной национал-фашистской организации знаю лично, а также от ХАЦКЕВИЧА, ЖИЛУНОВИЧА и ряда других участников организации.

АДАМОВИЧ И. — б[ывший] председатель Совнаркома БССР, входил в состав центра национал-фашистской организации.

АДАМОВИЧ Алесь — б[ывший] зав[едующий] отделом печати ЦК КП(б)Б, член центра национал-фашистской организации.

ЖИЛУНОВИЧ Д. — б[ывший] председатель БелГиза, как участника национал-фашистской организации знаю его по совместному участию на нелегальных собраниях актива организации, происходивших на квартире ЧАРОТА.

ШИПИЛО — б[ывший] председатель БелГиза; участник национал-фашистской организации, личный друг ЖИЛУНОВИЧА, в своей практической работе в БелГИЗ'е проявил себя, как ярый националист.

НЕКРАШЕВИЧ Алекс[андр] — в контрреволюционную организацию был завербован мною, в организации принимал активное участие.

БЕЛУГА — б[ывший] зав[едующий] бюро краеведения Академии наук БССР [в 1929—1930 гг. вице-президент, позже — зав. планово-экономическим сектором Белкоопсоюза. — *Авт.*]. Принимал активное участие в деятельности национал-фашистской организации.

М.ЧАРОТ — активный участник национал-фашистской организации, друг ИГНАТОВСКОГО и ЖИЛУНОВИЧА. В 1927—1930 гг. я участвовал на подпольных собраниях актива контрреволюционной организации, происходивших на квартире ЧАРОТА.

АЛЕКСАНДРОВИЧ Андрей — знаю его как участника национал-фашистской организации от АДАМОВИЧА, ЖИЛУНОВИЧА, ЧАРО-ТА и ряда других участников организации. По заданию организации составлял контрреволюционные стихотворения и разлагал молодежь.

ЗАРЕЦКИЙ-КОСЕНКОВ Михаил — активный участник национал-фашистской организации. Выпустил ряд книг с контрреволюционными националистическими установками.

ВОЛЬНЫЙ Ажгирей — о его участии в национал-фашистской организации знаю от ЧАРОТА. Автор ряда книг с националистическими установками.

АРАБЕЙ — участник национал-фашистской организации, был особенно близок к ЧЕРВЯКОВУ и выполнял установки последнего по выпуску из печати книг с контрреволюционной националистической контрабандой.

ШУКАЙЛО — друг ВАСИЛЕВИЧА, о его участии в национал-фашистской организации знаю из личных бесед с ним. В своих научных трудах протаскивал антисоветскую националистическую идеологию.

КАЗАК — б[ывший] завед[ующий] бюро краеведения Академии наук БССР, по заданию руководства национал-фашистской организации руководил националистическими группами в секциях бюро краеведения на территории БССР.

БРОВКОВИЧ — б[ывший] советник посольства СССР в Варшаве. Знаю его как участника национал-фашистской организации из бесед с ХАЦКЕВИЧЕМ, ЛАСТОВСКИМ, УЛЬЯНОВЫМ — ярый

националист. По заданию руководства организации был связан по шпионской работе с Польшей, об этой я знаю из личных бесед с Бровковичем, а также от ХАЦКЕВИЧА и УЛЬЯНОВА.

ГОЛОВАЧ — писатель, знаю его как участника национал-фашистской организации, участвовал на подпольном совещании актива организации на квартире ЧАРОТА. В своем творчестве проводил контрреволюционные националистические установки.

ПЕТРОВИЧ — б[ывший] работник Госплана БССР. Писатель, участвовал на совещании актива национал-фашистской организации и в своей практической работе, как писатель, проводил националистическую идеологию.

МИТЬКОВ — б[ывший] работник ЦК КП(б)Б. О его участии в национал-фашистской организации знаю от ВАСИЛЕВИЧА.

ГОРИН-КОЛЯДА — б[ывший] президент Академии наук БССР. О его участии в национал-фашистской организации я знаю от ХАЦКЕВИЧА и ВАСИЛЕВИЧА, а также из личных бесед с ним.

КОРЕНЕВСКИЙ — б[ывший] ректор Белгосуниверситета. Друг ИГНАТОВСКОГО. Принимал активное участие в национал-фашистской организации, участвовал на совещании актива на квартире ЧАРОТА.

СЕРАФИМОВ — б[ывший] наркомпрос БССР [заместитель — *Авт.*], о его участии в национал-фашистской организации знаю от ХАЦКЕВИЧА.

УЛЬЯНОВ А.Ф. — быв[ший] уполномоченный НКИД [по] БССР. Активный участник национал-фашистской организации. С ним я был лично связан по шпионской работе, передавал ему шпионские материалы для польской разведки во время работы в Москве.

ДЬЯКОВ — б[ывший] наркомпрос БССР, активный участник национал-фашистской организации, в оранизацию был завербован ИГНАТОВСКИМ.

ПЕТЮКЕВИЧ — б[ывший] работник Постпредства БССР в Моск-ве. Его принадлежность к контрреволюционной национал-фашист-ской организации мне известна из личных бесед с ним.

ПАВЛЮКЕВИЧ — б[ывший] постпред БССР в Москве. По заданию ЧЕРВЯКОВА, ИГНАТОВСКОГО проводил активную националистическую деятельность.

МОРОЗ — б[ывший] постпред БССР в Москве, участник национал-фашистской организации. По контрреволюционной работе был лично связан с ИГНАТОВСКИМ и ЧЕРВЯКОВЫМ.

УСПЕНСКИЙ — профессор Белгосуниверситета, в национал-фашистскую организацию был завербован ИГНАТОВСКИМ. В своей преподавательской работе воспитывал студентов в националистическом духе, по шпионской работе был связан с польским генконсульством в г.Минске.

ПИОТУХОВИЧ — профессор Белгосуниверситета, о его принадлежности к национал-фашистской организации я знал от ИГНАТОВСКОГО и УСПЕНСКОГО.

ДРУЖЧИЦ — профессор Белгосуниверситета, в контрреволюционную национал-фашистскую организацию был завербован ИГНАТОВСКИМ. Был соавтором ИГНАТОВСКОГО по трудам — по истории националистического характера.

КУЧИНСКИЙ — б[ывший] работник высшей с[ельско]х[озяйственной] школы, в национал-фашистскую организацию был завербован ВАСИЛЕВИЧЕМ.

ШЕСТАКОВ — б[ывший] редактор газеты "Савецкая Беларусь", о его принадлежности к контрреволюционной организации знаю от ИГНАТОВСКОГО.

КУПЦЕВИЧ — б[ывший] сотрудник газеты "Звязда"; в национал-фашистскую организацию был завербован АДАМОВИЧЕМ Алесем.

ЛОЙКО — б[ывший] преподаватель Белсектора КУНМЗ'а, о его участиии в национал-фашистской организации знаю из личной беседы с ним и по совместной антисоветской националистической деятельности.

ЭСЕРЫ

ПАНКЕВИЧ — б[ывший] непременный секретарь Академии наук БССР, бывш[ий] эсер, знаю его как участника контрреволюционной организации эсеров из бесед с ЧЕРНУШЕВИЧЕМ Д.С. в то время, когда ПАНКЕВИЧА выдвинули непременным секретарем академии.

В 1917 г. ПАНКЕВИЧ писал в Витебской газете контрреволюционные статьи, направленные против Советов. Знаю его как участника организации в Академии наук БССР от ХАЦКЕВИЧА, ИГНАТОВСКОГО, ЛАСТОВСКОГО и др.

ЧЕРНУШЕВИЧ Д.С.— бывший секретарь ЦИК БССР, знаю его как участника эсеровской организации. Еще в 1927 г. ЧЕРНУ-ШЕВИЧ в разговоре со мной говорил о своей принадлежности к партии эсеров. Из бесед с ЛАСТОВСКИМ, АРАБЕЕМ и рядом других лиц мне известно, что он еще участник и объединенной антисоветской организации.

БОДУНОВА — знаю ее как участницу контрреволюционной организации (с 1928 года) эсеров.

ТРОЦКИСТЫ

ЖЕБРОВСКИЙ — знаю его как участника троцкистской организации лично из бесед с троцкистом ИЛЮХОВЫМ, а также из бесед с ЛАСТОВСКИМ, знаю его по контрреволюционной работе, которую проводил вместе с ним в Москве.

ЩЕРБАКОВ — б[ывший] вице-президент Бел[орусской] Академии наук, знаю его как участника троцкистской организации из бесед с Жебровским. Лично знаю, что ЩЕРБАКОВ в своих науч-ных трудах по истории БССР проводил троцкистские установки.

ЗЮСЬКОВ — б[ывший] заместитель завед[ующего] Институтом истории партии [директора — *Авт.*]. Знаю его как участника троцкистской организации из бесед с ЖЕБРОВСКИМ.

ВОПРОС: Расскажите о террористических делах вашей организации.

ОТВЕТ: Еще в 1927 году я встретился с ИГНАТОВСКИМ, который мне тогда заявил, что наша организация будет применять террор против отдельных видных руководителей партии и правительства

Такие же указания в последующие годы были получены со 2-го отдела польского генерального штаба, о которых мне говорил УЛЬЯНОВ.

ВОПРОС: Вы лично террористической деятельностью занимались [?]

ОТВЕТ: Да, занимался.

ВОПРОС: В чем выражалась ваша террористическая деятельность [?]

ОТВЕТ: С ЖЕБРОВСКИМ я имел разговор о том, что необходимо подготовить и провести террористические акты против руководителей партии и советского правительства, но этот план у нас временно отпал ввиду их усиленной охраны.

В 1935 г. в Москве в кабинете ЖЕБРОВСКОГО мы с ним договорились о необходимости совершения террористического акта против одного из дипломатических работников иностранных государств, находящихся в Москве, с целью осложнения взаимоотношений Советского Союза с иностранными государствами. Мне тогда ЖЕБРОВСКИЙ сказал, что это задание получено из Варшавы и его нужно осуществить во что бы то ни стало.

Я вместе с ЖЕБРОВСКИМ на протяжении длительного времени подготавливал террористический акт над одним из указанных представителей.

ВОПРОС: Против какого иностранного представителя вы готовили террористический акт?

ОТВЕТ: С ЖЕБРОВСКИМ мы договорились о совершении террористического акта, в первую очередь, над послом Германии в СССР, насколько помню, его фамилия РИТТЕЛЬ.

ВОПРОС: Где вы должны были совершить этот террористичес-кий акт [?]

ОТВЕТ: Мы собирались совершить террористический акт в Первомайские или Октябрьские праздники во время парада на Красной площади в 1936 г.

ВОПРОС: Оружие у вас было [?]

ОТВЕТ: Было.

ВОПРОС: При обыске у вас оружия не было. Где сейчас оружие, из которого вы собирались стрелять [?]

ОТВЕТ: У меня его не было. Оружие было у ЖЕБРОВСКОГО.

ВОПРОС: Почему вы не осуществили своих намерений [?]

ОТВЕТ: Свои террористические намерения мы не осуществили потому, что не могли подобрать человека, который в дни парада на Красной площади должен был явиться исполнителем этого террорстического акта.

Я принимал меры к подысканию такого человека. Остановил свое внимание на сотруднице редакции "Последних известий" СТЕПАНОВОЙ, которая еще до окончательных переговоров с ней была арестована.

ВОПРОС: А кто еще входил в террористическую группу ?

ОТВЕТ: Кроме ЖЕБРОВСКОГО, из участников террористической группы я никого не знаю.

Записано с моих слов верно, в чем и расписываюсь. Сенкевич

Допросил: уполномоченный 4 отдела УГБ мл. лейтенант госбезопасности

Вольфтруб

НАРБ. Ф.4. Оп.21. Д.1404. Л.6—39

Примечание.

К протоколу приложена сопроводительная записка:

Совершенно секретно
Секретарю ЦК КП(б)Б тов.ВОЛКОВУ

По распоряжению наркома внутренних дел БССР комиссара государственной безопасности 3-го ранга тов. Бермана направляю Вам протокол допроса разоблаченного участника национал-фашистской организации в БССР Сенкевича А.А., работавшего ранее в аппарате ЦК КП(б)Б.

Приложение: упомянутое.

Нач.4 отдела УГБ НКВД БССР старший лейтенант госбезопасности

Ермолаев

№ 46 555 11/III.38 г. Минск, БССР.

НАРБ. Ф.4. Оп.21. Д.1404. Л.5

Приложение 2

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА СТРЕЛЛЕ ГЕОРГИЯ ВЛАДИМИРОВИЧА ОТ 27 ИЮНЯ 1937 Г.

СТРЕЛЛЕ Георгий Владимирович, 1900 г. рождения, исключен из КП(б)Б при проверке партдокументов за контрреволюционную нацдемовскую деятельность. До ареста работал директором конезавода № 120.

ВОПРОС: Материалами следствия вы изобличаетесь как один из активных участников так называемой "нацдемовской" контрреволюционной национал-фашистской организации. Предлагаю вам дать откровенные показания по существу предъявленного вам обвинения.

ОТВЕТ: Я признаю себя виновным в том, что до дня моего ареста я действительно являлся участником контрреволюционной организации национал-демократов, в которую я был вовлечен АДАМОВИЧЕМ Александром в 1926 г.

ВОПРОС: При каких обстоятельствах вы были вовлечены в эту организацию [?].

ОТВЕТ: С АДАМОВИЧЕМ Александром я был знаком и находился в весьма близких отношениях с 1921 г., когда он был инструктором Бобруйского укома партии. Одно время мы жили с ним на одной квартире. АДАМОВИЧ в разговоре со мной уделил большое внимание белорусскому вопросу. Особенно он подверг резкой критике мероприятия ВКП(б) по проведению национальной политики в БССР. АДАМОВИЧ А. обратил меня в контрреволюционную нацдемовкую организацию. Он особенно подчеркивал о том, что в БССР ущемляют белорусскую культуру, пренеброежительно относятся к белорусскому языку, школе, и такая политика исходит от ЦК КП(б)Б. Под влиянием АДАМОВИЧА в 1921 г. я вместе с САМОХВАЛОВЫМ Александром и ЛЕВКОВЫМ Максимом написали к[онтр]р[еволюционного] нацдемовского содержания документ на имя Бобруйского укома КП(б)Б. В этом документе мы протестовали против ареста контрреволюционеров, эсеров,

учителей, доказывая о неправильности их ареста, гонении на белорусов-учителей. Этот документ послужил началом всей моей дальнейшей контрреволюционной деятельности. С АДАМОВИЧЕМ я продолжал работать вместе в Климовичском округе до 1926 года.

В 1926 году при посредстве АДАМОВИЧА Александра я познакомился и находился в близкой связи с руководителями к[онтр]р[еволюционного] нацдемовского движения в Белоруссии, как-то: ИГНАТОВСКИМ, БАЛИЦКИМ, ЖИЛУНОВИЧЕМ, УЛЬЯНОВЫМ и другими. Таким образом, под влиянием АДАМОВИЧА я стал участником контрреволюционной организации белорусских национал-фашистов.

ВОПРОС: Расскажите о вашей практической контрреволюционной деятельности в Климовичском округе.

ОТВЕТ: Разрешите последовательно изложить факты моей антисоветской деятельности еще в бытность мою в Бобруйске до переезда в Климовичи.

В 1923 году я на уездной партийной конференции выступил с контрреволюционным нацдемовским докладом, в котором изложил нацдемовскую программу в области землеустройства. Я выдвинул положение, что крестьянам в Бобруйском уезде должна быть дана полная свобода в развитии хуторской и поселковой формы землепользования, идеализируя столыпинщину. Кроме того, трибуну конференции я использовал для клеветы на Советскую власть, доказывая о том, что царское правительство давало крестьянину кредиты для землеустройства, а Советская власть кредитов не дает.

В этот же период времени я дал матерому националисту УСПЕНСКОМУ рекомендацию о вступлении его в партию, а в 1929 г. на чистке я выступил в его защиту.

В 1924 году по инициативе АДАМОВИЧА А. я был переброшен в Калининский (Климовичский) округ на должность председателя окрпотребсоюза, здесь я вновь столкнулся с АДАМОВИЧЕМ, работавшим в то время секретарем окружкома партии. АДАМОВИЧ в то время начал сколачивать нацдемовский актив. Наиболее близкими ему людьми были: АНИХОВСКИЙ, МАМЧИЦ, КУПЦЕВИЧ,

ОДИНЕЦ Н., ВОРОНЧЕНКО Александр, АЛЕКСАНДРОВИЧ Андрей, КОНДРАЛЬ, КАЛИНИН и я, СТРЕЛЛЕ.

В это время АДАМОВИЧ при активном участии нацдемовского актива, в том числе моем, развернул нацдемовскую работу в округе. Практическая работа выражалась в пропаганде нацдемовских идей, проведении насильственным образом белоруссизации. Русский язык в буквальном смысле этого слова был запрещен, запрещалось говорить и писать на русском языке. Малейшее сопротивление этому каралось, и работники изгонялись из округа.

Наиболее активно нацдемовская работа проводилась АДАМОВИЧЕМ при моем активном участии в области народного образования. Мы создавали нацдемовские кадры учительства, засоряли его состав контрреволюционными элементами, стягивали их в Калининский округ со всех концов Белоруссии. В области земельной [политики] проводили усиленное насаждение прищеповских хуторов и поселков.

В 1926 году из Калининского округа я был переведен в Мозырь на должность председателя окрисполкома и, как показал выше, в этот период времени установил наиболее близкую связь с активными нацдемами.

ВОПРОС: Назовите всех известных вам участников организации.

ОТВЕТ: Мне известны следующие участники организации: ИГНАТОВСКИЙ — б[ывший] наркомпрос, БАЛИЦКИЙ — б[ывший] наркомпрос, ПРИЩЕПОВ — б[ывший] наркомзем, ВАСИЛЕВИЧ — б[ывший] секретарь ЦК КП(б)Б, ЧАРОТ Михась, УЛЬЯНОВ, ЖИЛУНОВИЧ, СТАСЕВИЧ, ВЕЛИНСТОВИЧ, БРОВКОВИЧ, ШИПИЛО, ИЛЬЮЧЕНОК, АДАМОВИЧ Александр, КУПЦЕВИЧ, АНИХОВСКИЙ, МАМЧИЦ, АЛЕКСАНДРОВИЧ Андрей, САМОХВАЛОВ, ЧЕРНУШЕ-ВИЧ Дмитрий, НЕКРАШЕВИЧ Александр, УСПЕНСКИЙ Евгений, ДУБИНА А., АДАМОВИЧ И. и ЧЕРВЯКОВ А.Г.

ВОПРОС: Дайте показания о практической контрреволюционой деятельности организации.

ОТВЕТ: На протяжении 1926-1929 гг. на квартирах участников контрреволюционной нацдемовской организации — ВАСИЛЕВИЧА, НЕКРАШЕВИЧА, ЖИЛУНОВИЧА БАЛИЦКОГО — перед всеми

конференциями и съездами КП(б)Б происходили нелегальные совещания участников организации, на которых присутствовали в основном: БАЛИЦКИЙ, ЖИЛУНОВИЧ, БРОВКОВИЧ, ПРИЩЕПОВ, УЛЬЯНОВ, СТАСЕВИЧ, ВАСИЛЕВИЧ, АДАМОВИЧ Александр и я, СТРЕЛЛЕ. На этих нелегальных совещаниях обсуждались вопросы единства действий членов контрреволюционной организации на партийных съездах и конференциях, намечались и обсуждались кандидатуры, кого следует поддерживать и кого провалить. Особенно активно контрреволюционная работа проводилась БАЛИЦКИМ, ЖИЛУНОВИЧЕМ, БРОВКОВИЧЕМ в отношении секретаря ЦК КП(б)Б т.КРИНИЦКОГО. С целью компрометации его распускали всевозможные провокационные слухи и антисоветские анекдоты. Основная цель как на нелегальных свещаниях, так и на самих съездах преследовалась выжить из Белоруссии КРИНИЦКОГО и выдвинуть секретарем ЦК участника организации ВАСИЛЕВИЧА с тем, чтобы в дальнейшем облегчить всю работу нацдемовской организации. Эта задача вскоре и была осуществлена —ВАСИЛЕВИЧ был избран секретарем ЦК КП(б)Б. Активное содействие в расстановке нацдемовских кадров на более ответственных участках работы оказывал быв[ший] предсовнарком БССР АДАМОВИЧ Иосиф. В период 4-го Всесоюзного съезда Советов в гор.Москве в целях активизации контрреволюционной деятельности нацдемов в большой московской гостинице было устроено совещание актива к[онтр]р[еволюционной] организации, на котором присутствовали: АДАМОВИЧ, БАЛИЦКИЙ, ЖИЛУНОВИЧ, ПРИЩЕПОВ, УЛЬЯНОВ, БРОВКОВИЧ и я. Кроме нас также присутствовали: ХАЦКЕВИЧ, АБРАЖУНАС, КОНДРАЛЬ, ПРОФЕРАНСОВ, ДУБИНА, ЯЦКЕВИЧ. На этом совещании много хвалебного говорилось в отношении АДАМОВИЧА, как спасителя Белоруссии, от которого зависит дальнейшее развитие экономики и культуры БССР. УЛЬЯНОВ при этом говорил, что на АДАМОВИЧА с надеждой смотрит Запад, давая понять, что в своей работе нужно ориентироваться на фашистскую Польшу. АДАМОВИЧ на эти хвалебные песни отвечал, что он всячески будет поддерживать местных коренных работников.

На одном из нелегальных сборищ на квартире у БАЛИЦКОГО, где, кроме меня, были СТАСЕВИЧ, БРОВКОВИЧ, ЖИЛУНОВИЧ, САМОХВАЛОВ, КОНДРАЛЬ, Ал.АДАМОВИЧ, ПЫЖИКОВ, обсуждались вопросы борьбы с мероприятиями Сов[етской] власти. В частности, БАЛИЦКИМ было выдвинуто положение о том, что необходимо активнее вести работу и что бюджет БССР должен быть построен так, чтобы основные средства были обращены на культурное строительство и с[ельское] х[озяйство] за счет уменьшения вложений в промышленность, что, по существу, вело к срыву индустриализации БССР и переносе средств на укрепление кулацко-хуторских хозяйств. В вопросах организации народного образования БАЛИЦКИЙ проводил [линию на] необходимость проведения в жизнь разработанной Наркомпросом нацдемовской структуры народного просвещения на основе семилетки.

На нелегальном сборище в доме ЖИЛУНОВИЧА, где были я, СТАСЕВИЧ и другие, которых не помню, помимо других вопросов нацдемовского характера, ЖИЛУНОВИЧ рассказал о своей поездке в Германию и Францию, безгранично идеализировал буржуазную культуру этих стран, ставя ее в пример, по которому должна развиваться культура БССР. Аналогичные сборища участников к[онтр]р[еволюционной] нацдемовской организации и лиц, близко стоявших к ним, проводились весьма часто. Иногда присутствовали на них ЧЕРВЯКОВ и ГОЛОДЕД. Необходимо отметить, что на одном из совещаний организации в квартире ЖИЛУНОВИЧА, устроенном под видом вечеринки, где присутствовали ЧЕРВЯКОВ И ГОЛОДЕД, было намечено создать блок между ЧЕРВЯКОВЫМИ и АДАМОВИЧЕМ в борьбе против секретаря ЦК партии т. КРИНИЦКОГО. Помимо этого, много внимания уделялось вопросу обсуждения и назначения других кандидатур на руководящие должности как в Центральный Комитет, так и на местах.

[Далее о "подрывной работе и вредительской деятельности" Г.В.Стрелле в должности председателя Мозырского окрисполкома, начальника управления и заместителя наркома в Наркомземе БССР, директора конезавода. — Авт.]

[...]

Написано с моих слов верно, мною прочитано, в чем и расписываюсь.

СТРЕЛЛЕ

Допросил: нач.II отделения 4 отдела УГБ НКВД БССР
лейтенант госбезопасности МОРОШЕК

НАРБ. Ф.4. Оп.21. Д.1097. Л.12-24

Приложение 3

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

СПРАВКА
на ХАЦКЕВИЧА Александра Исааковича

ХАЦКЕВИЧ А.И., член ВКП(б), секретарь Совета национальностей СССР, бывш[ий] наркомвнудел, наркомфин и секретарь ЦИК'а БССР, проживает в г.Москве.

Следствием по делу ликвидируемого объединенного к-р[контрреволюционного] подполья в Белоруссии установлено, что секретарь Совета национальностей СССР ХАЦКЕВИЧ, ранее работавший народным комиссаром финансов и секретарем ЦИК БССР, является членом руководящего центра объединенного к-р [контр-революционного] подполья в Белоруссии и одним из ближайших пособников ЧЕРВЯКОВА и ГОЛОДЕДА в их контрреволюционной подрывной работе.

Из показаний арестованных по делу лиц установлено, что ХАЦКЕВИЧ еще в 1927 году, в бытность его председателем Могилевского окрисполкома Белорусси, являлся одним из руководителей могилевской контрреволюционной национал-фашистской оранизации, связанной с минским национал-фашистским центром, и проводил подрывную работу в области сельского хозяйства и культурного строительства бывшего Могилевского округа. Затем, в период его работы в Наркомфине Белоруссии, проводил активную вредительскую работу в системе Наркомфина. В последние годы, работая в Москве, ХАЦКЕВИЧ поддерживал регулярную связь с руководством национал-

фашистской организации в Белоруссии и принимал активное участие в ее практической антисоветской деятельности.

Обвиняемый ПЕТРОВИЧ в своих показаниях о к-р деятельности ХАЦКЕВИЧА показывает:

"Как одному из руководителей заговора, мне известно, что ЧЕРВЯКОВ совместно с ИГНАТОВСКИМ, БАЛИЦКИМ, ПРИЩЕПОВЫМ, ГОЛОДЕДОМ, ЖИЛУНОВИЧЕМ, АДАМОВИЧЕМ и ВАСИЛЕВИЧЕМ возглавлял руководство заговором с 1923 по 1929 гг., а после ареста ряда руководителей заговора он — ЧЕРВЯКОВ, с ГОЛОДЕДОМ, ГРИСЕВИЧЕМ, ЧЕРНУШЕВИЧЕМ, МАСЮКОВЫМ, ДЬЯКОВЫМ, АМБРАЖУНАСОМ, ХАЦКЕВИЧЕМ и мною, возглавлял руководство заговором в период с 1929 по 1937 г.".

"Вредительская работа организации в области финансов возглавлялась членами организации ХАЦКЕВИЧЕМ, КЛИНЕВСКИМ и КУДЕЛЬКО.

По линии финансирования народного хозяйства ими составлялись намеренно завышенные в доходной части финансовые планы хозяйственных организаций, в особенности по промышленности. В этих планах умышленно совершенно игнорировалась перестройка работы в промышленности в направлении повышения качества продукции, также не предусматривались средства на оранизацию новых дополнительных процессов производства. В целях срыва капитального строителства финансовые планы строились произвольно, без учета планов строительных работ".

"По линии налоговой политики организация через ХАЦКЕВИЧА и КУДЕЛЬКО в целях вызова массового недовольства колхозников и единоличников на протяжении ряда лет проводила массовые репрессии в деревне. Эта антисоветская работа внедрена была в практику повседневной работы финансовых органов на местах".

Принадлежность ХАЦКЕВИЧА к национал-фашистсктому центру Белоруссии также подтверждается показаниями арестованного ЧЕРНУШЕВИЧА:

"В состав центра, помимо ГОЛОДЕДА и ЧЕРВЯКОВА, входили ГРИСЕВИЧ, ПЛАТУН, ХАЦКЕВИЧ, ПЕТРОВИЧ, КУДЕЛЬКО, ДЬЯКОВ, БЕНЕК, БУРАЧЕВСКИЙ, БРОВКОВИЧ и я — ЧЕРНУШЕВИЧ".

Арестованный нами член национал-фашистской организации ЧА-РОТ в своих показаниях от 13 июня 1937 г. показывает об активной роли ХАЦКЕВИЧА в национал-фашистском движении Белоруссии:

"До последнего времени ЧЕРВЯКОВ являлся одним из руководителей нашей оранизации и поддерживал связь с руководящими членами организации ЖИЛУНОВИЧЕМ, ХАЦКЕВИЧЕМ, ПЕТРОВИЧЕМ, КОРЕНЕВСКИМ и др."

О контрреволюционной работе ХАЦКЕВИЧА в быв[шем] Могилевском округе показывает арестованный нами бывший наркомпрос БССР ДЬЯКОВ:

"Деятельностью национал-фашистской организации в Могилеве в 1926—1928 гг. руководили: ХАЦКЕВИЧ, ДУБИНА, ШЕСТАКОВ и я — ДЬЯКОВ. Связь с руководящим центром национал-фашист-ской организации в Минске осуществляли ШЕСТАКОВ И ХАЦКЕВИЧ, которые передавали нам все руководящие директивы центра.

ХАЦКЕВИЧ, ДУБИНА, СТАНКЕВИЧ и я проводили практическую подрывную работу в деревне. По линии сельского хозяйства нами для реставрации капиталистических отношений, укрепления позиций кулачества, как опоры в нашей работе, была широко развернута работа по хуторизации деревни. Нами была проведена хуторизация значительного большинства деревень бывшего Могилевского округа.

Использовывая свое служебное положение, мы организовали саботаж всех мероприятий, проводимых партией и советским правительством. Мы срывали выполнение налоговых и заготовительных планов по бывш[ему] Могилевскому округу.

Национальной политике Коммунистической партии мы противопоставляли теории о том, что Белоруссия только для белоруссов, закрывали учебные заведения национальных меньшинств (русские, еврейские) и насильственно пролагали путь к белорусской буржуазной национальной культуре".

При обыске у члена национал-фашистского центра Белоруссии ДЬЯКОВА обнаружено письмо контрреволюционного содержания, написанное ХАЦКЕВИЧЕМ в 1927 г. ДЬЯКОВУ из Москвы. В этом письме ХАЦКЕВИЧ пишет:

"Очень рад достижениям Могилевщины, я это глубоко ценю, потому что в этом твоя доля и что это относится к бедной Белоруссии.

Я кое-что знаю из того, что делается в Могилеве и окрестностях. Мне пишут так себе люди небольшие, хорошие ребятки, я ими не гнушаюсь, а наоборот — поддерживаю связь.

Встречаюсь с моими знакомыми ГРИСЕВИЧЕМ и другими; говорим о многом, так что в курсе..."

Допрошенный по существу данного письма ДЬЯКОВ показал:

"Изъятое у меня при обыске письмо от ХАЦКЕВИЧА получено мною в 1927 г. В нем ХАЦКЕВИЧ в зашифрованном виде сообщает мне, что он в курсе проводимой нами в Могилеве антисоветской работы, встречается в Москве с рядом членов оранизации, которая информирует его о положении дел в Белоруссии..."

О к-р деятельности ХАЦКЕВИЧА также показывает арестованный член национал-фашистской организации бывш[ий] зам. наркомзема БССР СТРЕЛЛЕ.

На основании изложенного ХАЦКЕВИЧА подвергнуть аресту.

Народный комиссар внутренних дел БССР,
комиссар государственной безопастности 3 ранга БЕРМАН
" " июля 37г.
г.Минск, БССР
НАРБ. Ф.4. Оп.21. Д.1097. Л.103—106

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Эта книга редкая и уникальная. И не потому, что у нее небольшой тираж. А прежде всего потому, что она рассказывает как фабриковались так называемые уголовные дела, как создавался сценарий народной трагедиии. В приведенных протоколах допросов и А.Ф.Ульянова, и А.А.Сенкевича, и Г.В.Стрелле мало достоверной информации, за исключением биографических сведений. Они сфабрикованы с участием подследственных. Прежде всего это относится к А.Ф.Ульянову. Имея опыт дипломатической и разведывательной работы, он принимал непосредственное участие в фабрикации своего уголовного дела. Об этом свидетельствуют его собственноручные правки в оригнале протоколов, которые находятся в деле, хранящемся в архиве КГБ Республики Беларусь. После ареста на станции Негорелое [в 1921—1939 гг. железнодорожная станция Негорелое была пограничной станцией — въездом в СССР и выездом в страны Западной Европы.— *Авт.*] А.Ф.Ульянов оказался во внутренней тюрьме НКВД БССР и периодически допрашивался. Известны четыре протокола его допроса от 28 июня, 14 июля, 7 и 8 августа 1937 г. В ноябре 1937 г. его отправили сецконвоем в Москву — как-никак фигура общесоюзного масштаба. 26 ноября 1937 г. военная коллегия Верховного суда СССР в закрытом заседании рассмотрела его дело. Он обвинялся "в принадлежности к Польской организации войсковой и проведении шпионской работы в пользу Польши". А.Ф.Ульянову инкриминировалось то, что он "выдал польской разведке весь известный ему личный состав работников разведупра

и иностранного отдела главного управления Госбезопасности за кордоном".

В судебном заседании, которое по его делу длилось всего лишь 15 минут, виновным себя признал и просил суд о снисхождении. Формулировка приговора изложена на основе показаний, которые дал А.Ф.Ульянов в процессе предварительного следствия и подтвердил их в суде. Согласно его показаний, агентом иностранной разведки он "стал в 1925 г., а в контрреволюционную организацию был вовлечен в 1924 г. Червяковым".

После тщательной проверки в связи с реабилитацией установлено, что в КГБ, других государственных архивах, каких либо данных о его антисоветской, шпионской деятельности не обнаружено. Ценой самооговора и ложного обличения себя и других надеялся сохранить жизнь. Палачи, которым он помогал сочинять версию о разветвленном заговоре в Белоруссии против Советской власти, ничего не приняли во внимание. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила бывшего дипломата к высшей мере наказания. Приговор был исполнен незамедлительно, в тот же день в Москве. Акт об исполнении приговора хранится в Особом архиве 1-го спецотдела НКВД СССР, том 2, лист 395. Однако жене Цицилии Ульяновой-Блатман было сообщено, что ее муж, отбывая наказание, умер 15 сентября 1938 г. в местах лишения свободы. И здесь ложь. Жил человек во лжи, расстрелян из-за лжи и даже факт смерти окутали ложью...

Обо всем этом мы рассказали с одной единственной целью — такое никогда не должно повториться.

Доктор исторических наук, профессор
В.Н. Михнюк

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Адамович А.Ф. 31, 50, 58, 73, 79, 80, 82, 85-88
Адамович И.А. 73, 79, 87-90
Александрович А.И. 57, 73, 74, 74, 80, 86, 87
Амбражунас П.И. 79, 88, 91
Аниховский А.Г. 86, 87
Арабей М.Л. 80, 82
Аронштам Л.Н. 76
Асаткин А.Н. 41
Байков М.Я. 33, 60
Балин С. 22
Балицкий А.В. 28-31, 54, 58, 86-88, 90
Балтин А.Я. 78
Баранов 3, 36
Бахар 28, 29
Беем Ф. 22
Белуга Н.И. 80
Бенек К.Ф. 91
Берман Б.Д. 12, 92
Богуцкий (Шпак) В.А. 23, 41, 51
Бодунова П.А. 82
Братин 20
Бровкович Ф.А. 80, 87, 88, 91
Будинский С.И. 76
Булат С.Г. 39
Бурачевский П.П. 91
Бурсевич М.Т. 25, 52, 53
Василевич И.А. 10, 28-34, 55, 61, 76, 77, 79-82, 87, 90
Виленстович П.Р. (в тексте неправильно: Велинстович) 87
Витос Винценты 26, 53
Воевудский 14-17, 20-26, 36, 37, 64
Войков П.Л. 24, 25, 52
Волков А.А. 84
Волкович Д.И. 78
Волошин П.П. 20, 25, 45
Волчок 3, 36
Вольный Анатоль (Ажгирей А.Н.) 80
Вольфтруб М.А. 84
Воронченко А.А. 79, 86
Гей К.В. 9
Гейдзинский 34
Гепштейн А.М. 3, 12, 36
Гирчак 74
Головач П.Р. 80
Головач Ф.Ф. 20
Голодед Н.М. 28, 55, 77-79, 88, 90, 91
Голувко Т. 23, 51
Горин (Коляда) П.О. 77, 78, 81
Гриб Т.Т. 33, 61
Грисевич Р.П. 91, 92
Гурин (Морозовский) М. 19, 41, 42
Дворчанин И.С. 20, 44, 53
Деникин А.И. 46
Донецкая 15
Досвитный 74
Дружчиц В.Д. 81
Дубина А.В. 87, 88, 91, 92
Дударь Алесь (Дайлидович А.А.) 57
Дьяков А.И. 81, 91, 92
Езовитов К.Б. 18, 22, 40
Ермолаев В.А. 70, 84
Жебровский В.Ю. 76, 82-84
Жилунович Д.Ф. (Тишка Гартный) 7, 22, 28, 29, 31-35, 49, 50, 59, 73, 74, 79, 80, 86-88, 90, 91
Зарецкий Михась (Косенков М.Е.) 34, 57, 61, 73-75, 80
Затонский В.П. 58
Зюськов А.И. 83
Игнатовский В.М. 15-24, 27, 28, 30, 32, 33, 35-37, 39, 41, 42, 66-68, 72-74, 79-83, 86, 87, 90
Илов 74
Илькевич Н.Н. 4
Ильючонок П.В. 19, 31, 41, 42, 87
Илюхов 82
Кавецкий 26
Казак А.К. 80
Калинин 86
Калиновский В. 22, 49
Карп С.В. 77, 78
Кениг 22
Клиневский 91
Козюра С.Л. 4, 22, 49, 52
Кондраль А.С. 86, 88
Кончевский А.В. 16, 38
Кончилова 36
Кореневский И.П. 39, 81, 91
Коханович М.С. 22, 49
Криницкий А.И. 27, 41, 54, 73, 87, 89
Круликовский 15
Куделько И.Ф. 78, 91
Купала Янка (Луцевич И.Д.) 9, 11, 22, 31, 33, 34, 60, 62
Купцевич Ф.Ф. 22, 49, 50, 82, 86, 87
Кучинский 82
Кучинский А. 31
Ластовский В.У. 3, 21, 30, 32, 48, 66-68
Ластовский Я.Б. 76-80, 82
Левков М.А. 85

Летовт Ч.С. 22
Лёсик И.Ю. (Лесик Язеп) 21, 30, 32, 47, 73
Липецкий Э.А. 7
Логановский 25
Лойко М.Ф. 82
Луцкевич А.И. 21, 35, 46
Луцэвіч У.Ф. [Уладка] 11
Макаревич 22
Максимовский-Розенштейн А.М. 76
Мамчиц Н.Н. 86, 87
Мартинчик Н.М. 25
Масюков К.Н. 91
Медведь В.Ф. 19, 42
Метла П.Ф. 20, 25, 45
Митьков С.Р. 76, 81
Михальский 22
Михнюк В.Н. 7, 62, 66, 94
Мороз М.И. 39, 81
Морозов 36
Морошек 89
Мяделка П.В. 9, 11, 60
Мяделка С.В. [в тексте неправильно: Медзилко] 11, 33, 61
Некрашевич А.Я. 31, 58, 79, 87
Некрашевич С.М. 30, 33, 56, 60, 73
Одинец Н. 86
Опанский И.К. 25, 53
Островский Р.К. 20, 21, 25, 29, 35, 46
Павлюкевич 25, 52
Павлюкевич А.И. 81
Панкевич П.Я. 82
Петрович И.А. (Янка Неманский) 81, 90, 91
Петюкевич 81
Пилляр Р.А. 8, 10
Пилсудский Ю. 7, 15-23, 25, 26, 36, 37, 50, 51, 62, 64
Пиотухович М.Н. 81
Платонов Р.П. 4, 8-10
Платун А.М. 31, 58, 91
Прищепов Д.Ф. 24, 28, 31, 33, 51, 75, 87, 88, 90
Проферансов 88
Пыжиков В.С. 88
Раевский 22
Рак-Михайловский С.А. 20, 21, 25, 26, 44
Рачицкий Ф.Н. 76, 79
Риттель 83
Рогуля В.Т. 20, 45
Рыскин А.Б. 8, 10
Самохвалов А.Г. 85, 87, 88
Сенкевич А.А. 30, 56, 71, 74, 84, 93
Серафимов В.С. 81
Скрыпник Н.А. 74
Славинский (Кочеровский) А.С. 19, 23, 27, 41, 42
Смолич А.А. 21, 30, 32, 47
Соболевский Ю.А. 26, 53
Сталин И.В. 12, 76
Станкевич 92
Стасевич Б.И. 30, 57, 87, 88
Сташевский А.О. 39
Степанова 84
Столыпин П.А. 34, 61
Стрелле Г.В. 85-87, 89, 92, 93
Судаков 30
Тарашкевич Б.А. 10, 20, 21, 23, 25-27, 43
Ульянова-Блатман Ц. 94
Успенский Е.К. 81, 86, 87
Хацкевич А.И. 71-73, 79-82, 88, 90-92
Хвилевой 74
Цвикевич А.И. 4, 7, 8, 32, 60, 62
Чарот Михась (Куделько М.С.) 7, 21, 31, 34, 39, 47, 57, 71, 73, 74, 79-81, 87
Червяков А.Г. 17-23, 28, 30, 32, 33, 35, 39, 41, 42, 73, 79-81, 87, 88, 90, 91, 94
Чернушевич А.А. 30, 57, 76, 78, 91
Чернушевич Д.С. 82, 87
Черных 40
Шарангович В.Ф. 5
Шестаков С.Б. 31, 82, 91
Шипило И.И. 31, 35, 58, 77, 79, 87
Шнаркевич И. 25
Шукайло П.З. 80
Щербаков В.К. 82
Янковский 24, 34, 36
Ярошевич Н.К. 22, 50
Яцкевич 88

СОКРАЩЕНИЯ

БАН — Белорусская академия наук
БГИ, Белгосиздат — Государственнное издательство БССР
БГУ — Белорусский государственный университет
БКО — Белорусская коммунистическая организация
БКРГ — Белорусская крестьянско-рабочая громада
БНР — Белорусская Народная Республика
БНЦ — Белорусский национальный центр
БПР-С — Белорусская партия социалистов-революционеров
БСГ — Белорусская социалистическая громада
БСДП — Белорусская социал-демократическая партия
БССР — Белорусская Советская Социалистическая Республика
ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВМН — высшая мера наказания
ГК, горком — городской комитет
Главискусство — Главное управление по делам искусства
ГПУ — Государственное политическое управление при СНК БССР
Госплан — Государственная плановая комиссия
ИБК — Институт белорусской культуры
ИККИ — Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала
Исполком — Исполнительный комитет
ИТЛ — Исправительно-трудовой лагерь
Комвуз — Коммунистический университет
КП(б)Б — Коммунистическая партия (большевиков) Белоруссии
КП(б)ЛиБ — Коммунистическая партия (большевиков) Литвы и Белоруссии
КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза
КУНМЗ — Коммунистическая университет национальных меньшинств Запада им. Ю. Мархлевского
Культпроп — отдел культуры и пропаганды ленинизма (в партийных комитетах)
Лесбел — Государственное объединение лесной, экспортной и деревообрабатывающей промышленности БССР
НАРБ — Национальный архив Республики Беларусь
Наркомвнешторг — Народный комиссариат внешней торговли
Наркомдел, НКИД — Народный комиссариат иностранных дел
Наркомздрав — Народный комиссариат здравоохранения

Наркомзем — Народный комиссариат земледелия
Наркомместпром — Народный комиссариат местной промышленности
Наркомпрос — Народный комиссариат просвещения
Наркомфин — Народный комиссариат финансов
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
ОГПУ — Объединенное государственнное политическое управление
ОК, окружком — окружной комитет
ПК — партийная коллегия
ПОВ — Польска организация войскова
ППС — Польская социалистическая партия
Профинтерн — Красный интернационал профсоюзов
ПСЛ — Партия Стронництво Людове
РКП(б) — Российская Коммунистическая партия (большевиков)
РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
СДКПиЛ — Социал-демократическая партия Королевства Польского и Литвы
СНК, совнарком — Совет народных комиссаров
СОБ — Союз освобождения Белоруссии [Саюз вызвалення Беларусі (СВБ)]
с-р — социалисты-революционеры
ССРБ — Советская Социалистическая Республика Белоруссии
СССР — Союз Советских Социалистических Республик
ТБШ — Товарищество белорусской школы
Торгпред — торговый представитель
УГБ — Управление государственой безопасности
УК — уголовный кодекс
УНКВД — Управление народного комиссариата внутренних дел
ФСК РФ — Федеральная служба контрразведки Российской Федерации
ЦБ — Центральное бюро
Центросоюз — Центральный союз потребительских обществ
ЦИК — Центральный Исполнительный Комитет
ЦК — Центральный Комитет
ЦКК — Центральная контрольная комиссия